

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК НОВАЯ ЭРА

АЛЕКСЕЙ ВЯЗОВСКИЙ СЕРГЕЙ ЛИННИК

НОЖЕВЫХ ПОЧТИ ВРАЧ

ПРОСТО ВЫПОЛНЯЙ СВОЙ ДОЛГ

Фантастический боевик. Новая эра

Алексей Вязовский

Почти врач

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Вязовский А. В.

Почти врач / А. В. Вязовский — «Издательство АСТ»,
2024 — (Фантастический боевик. Новая эра)

ISBN 978-5-17-161299-3

Ты знаешь будущее? Хочешь изменить мир? Некогда! Бригада, на вызов!
Люди болеют всегда, и если ты работаешь на «скорой», то просто выполняй
свой долг. Но старый врач в советском прошлом очень хорошо ориентируется
и знает, от кого чего ожидать, особенно от пациентов, входящих в ЦК. А
если вспомнить названия и состав лекарственных средств, которыми можно
заинтересовать известные фирмы...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-161299-3

© Вязовский А. В., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алексей Вязовский, Сергей Линник

Почти врач

© Алексей Вязовский, 2024

© Сергей Линник, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

- Я не вижу его!
- Хр-р! Хр-р-р!
- Смотри лучше!
- Он уже посинел!
- Судороги!

Я навалился на толстого мужика, что бился в конвульсиях, давая Томилиной возможность еще раз попытаться очистить полость его рта. Весело, конечно, одновременно держать ему руки и не давать закрыться рту, сунув пальцем щеку клиента между его же зубами. Понятное дело, пациент не соображает ровным счетом ничего – ему сейчас дышать вообще нечем. Перекрыт воздухопровод. Спазм голосовых связок – так называется та штука, которая возвела преграду доступу воздуха. Напрочь. Захотелось дебилу показать молодецкую удадь. Игрался, подбрасывая еду и ловя ее ртом. Доловился.

Жена циркача-любителя все заметила, попыталась помочь супругу, стучала по спине... Это им просто повезло очень сильно, что «скорая» была здесь же, рядом. В том же кафе спасали официанта от носового кровотечения. Потому что минут через пять, а то и меньше, спасать было бы уже некого. Так что совместно с какими-то мужиками переставшего дышать клиента мы затащили прямо в салон нашего «рафика», где сейчас и пытаемся оказать ему помощь.

- Я не могу его достать!
- Томилина почти плакала.
- Держи голову!

Мужик уже затих, перестал метаться, так, подергивался только. Лена запрокинула ему голову, я протер место воздействия ваткой со спиртом. Эх, нам бы набор для трахеостомии. Но нет его у нас. Но столовый нож тоже пригодится, если нет больше ничего под рукой. Среди медиков гуляет легенда про смельчака, который сделал это с помощью шариковой ручки, но это уже за гранью научной фантастики. Мы поменялись местами, я взял скальпель, мысленно перекрестился...

Разрезал кожу вдоль, раздвинул. Теперь фасцию поперек, и гортань передо мной. На все считанные секунды ушли. Кровить тут почти нечему, потом протру, не до этого сейчас. Так, вот он, третий хрящ. Втыкаем скальпель, не до конца, чтобы не проткнуть заднюю стенку, и аккуратно, но быстро вверх лезвием. Готово! Ну! Дыши!

Мужик судорожно вдохнул – и остановился. Давай, дружище, не стесняйся! Рефлексы Геринга – Брейера никто не отменял! Вспоминай, дядя: вдох вызывает выдох – и наоборот!

Услышал пациент мой мысленный посыл, закашлял. Вот и славно. Томилина подала мне детский воздуховод, и я вставил его в отверстие. До больницы дотянем. Дышит сам, судорог нет, даже розоветь вроде начал.

- Миша! Поехали!

Харченко нажал на газ, наша машина рванула вперед.

– Михаил! Я умоляю, аккуратнее, – подала голос Томилина. Ну да, я от резкого рывка чуть не протаранил ее головой.

После аварии у моего дома Лена стала боязливой. И отделалась всего помятым крылом, которое на СТО имени «нелегальных абхазов» поменяли за два часа и сто рублей. Но нет, Томилина продолжала трястись. Особенно когда видела рядом женщину за рулем.

А вот Шишкина уже на следующий день все забыла. Папочка договорился о замене бампера в гараже ЦКБ, чего нервничать, правда?

Единственное, что мне предьявляла Лиза – мое отсутствие дома в момент аварии. Дескать, вот я бы вышел, все этой «обезьяне с гранатой» объяснил по жизни. Но я-то был дома!

Просто затаился на кухне, стараясь даже дышать потише. И слушал, как сначала Лена прибежала за помощью. Потом Лиза ломилась в дверь. А я себе представлял, что вот выйди сейчас я на улицу – обе мигом забудут про «поцелуй». И устроят аварию с черепно-мозговыми уже мне.

Но потом приехал инспектор ГАИ, началось составление протокола, рисование схем – девушкам стало не до меня. Но я долго еще не мог поверить, что всё закончилось. Так и просидел полдня дома, думая, что надо с этим кобеляжем завязывать. Не доведет оно меня до добра. Это мне высшие силы так немного пальчиком погрозили. Не был в прошлой жизни ходоком, нечего и в этой начинать. Потому что занятие это требует особого склада ума и определенных навыков. А у меня, похоже, ни того ни другого. К тому же какая-нибудь гадина обязательно донос напишет, аморалку припаяют. Как Шатерникову... Морозов говорил, что прилетело директору неслабо – неполное служебное светит. То ли Галушко сдал, то ли кто-то из доброжелателей стукнул. Не говоря уже о самой Шевченко. Вполне могла и сама набарабанить.

– Вроде бы уже дороги сухие? – Томилина все никак не могла успокоиться.

– Майские праздники скоро, – буркнул я. – На улице уже плюс десять.

– У нас и на майских бывает снег, – поучительно произнесла Лена.

* * *

Я уже говорил о законе парных случаев? Нас опять настигло. Только мы сдали мужика в приемный покой, под надзор реаниматологов, и выехали на большую дорогу, ведущую к подстанции, как нате вам. Томилина буркнула в рацию «Седьмая свободна» и получила такой радостный ответ: «Возвращайтесь». Я даже начал открывать рот, чтобы попросить Мишу тормознуть у гастронома, ибо душе внезапно захотелось кефира. Но нет. Дан приказ ему на запад. И адресочек знакомый: та самая рабочая общага, в которой нам доступно объясняли, что у настоящего мужчины только одно призвание: бухать. И повод хороший, оригинальный такой – задыхается. «Никогда такого не было, и вот опять».

– Надеюсь, это просто астматик, а не очередной циркач... – высказала пожелание Лена.

Прям как в ресторан пришла.

– Да, сейчас только меню допишу.

Хоть и солидарен с ней на все сто сорок шесть процентов – мне тоже больше нравятся простые вызовы, о которых и вспомнить нечего, но имеем то, что имеем.

Приехали, поднялись на четвертый этаж. Ножками, конечно. В зданиях ниже шести этажей лифты не предусмотрены. Говорят, для здоровья полезно. Если так, то скоропомощники вместе с сельскими почтальонами должны жить вечно.

Да, не теми словами Елена Александровна просила высшие силы, ошиблась где-то. Застали мы следующий натюрморт. Хотя нет, до изображения неживой природы тут еще не дошло, пока никто не умер. Назовем это жанровой сценкой. Именуется «Мы с пацанами квазим». Художник неизвестен. Как обычно, повод неясен. Но судя по количеству окурков в блюде с салатом – гудят долго. Все как в песне: «У соседей напротив идет третий день день рожденья, а может быть, свадьба, а может – семейный скандал».

Но один из бойцов и вправду выглядит не особо. Точно задыхается. Рожа багрово-синяя, вены на голове и шее вздуты, одышка как бы не пятьдесят в минуту. По делу вызвали, не придерешься.

Пока я выдирал из чемодана тонометр, Томилина в лучших традициях регби прорвалась к клиенту. Впрочем, дружбаны болезного быстро перекочевали в дальний угол и даже оперативно сдвинули столы в сторону. Сразу видно, люди медиков уважают, как и положено у прошедших самый народный университет.

– Левое легкое совсем не дышит, – сообщила мне Елена. – Что это?

Экспресс-опрос показал, что ели мясо. Кто-то где-то взял и наварили целую кастрюлю. Ага, вижу, объем посуды чуть не ведро. Куски тоже не бедняцкие, с кулак примерно.

– Подавился? – высказал я гипотезу. – Дай послушаю.

И правда, левое легкое вообще немое, зато правое работает как паровоз, свистит и хрипит так, что и на расстоянии слышно замечательно.

– Инородное тело главного бронха! – высказала гипотезу Томилина.

А что, вполне возможно. Мужик бухой, кусок мог миновать голосовые связки, не вызвав их молниеносный спазм. А дальше – застрял там, где просвет бронха не пустил, и закупорил всё.

– Спецы? Или везем? – задал я самый главный сейчас вопрос. Часы-то тикают.

– Сами, – секунду подумав, сказала Лена. – Пока реанимацию дождемся, нас тут и самих похоронят.

Этот момент она сразу просекла, молодец. Если эти ухари увидят, что мы просто сидим и ждем чего-то, то до советского аналога суда Линча недолго. А делать мы ничего толком не можем. Ну уколем мы ему сейчас гормоны и наркотики, а толку с того?

– Так, мужчины, – начал организовывать я работу добровольных помощников. – Давайте, кто побыстрее и потрезвее, в машину нашу за носилками. Срочно надо вашего друга в больницу.

Молодцы, куда только хмель у ребят делся. Глаза в кучку, и помчались. Минуты не прошло, как появились носилки, и даже паспорт нашелся. Со всем тщанием понесли друга и собутыльника, да не ногами вперед, как покойника, а высоко приподняв головной конец. А мне что? Не я несу, да и не меня, пусть показывают уважение к корешу. Вот только пациент наш всё синее и синее.

Запихнули мы носилки на станок, который в «скорой» установлен для обеспечения стабильности перевозки, и помчались. С цветомузыкой и дискотеккой. Уж не знаю, сколько раз Харченко вспомнил ту роковую поездку, вылившуюся для него в четыре месяца больничного и хромоту, но домчали мы быстро, если и не рекорд, то близко к этому.

Вывез я из приемника каталочку, начали перегружать болезного, смотрю, а он уже очень даже неплохо выглядит. Конечно, по сравнению с тем, какой был, но всё же положительная динамика на лице. Может, кусок куда откатился, или назад чуток прошел?

А нас уже ждали. Конечно, мы же заказывали торжественную встречу. Обязательным условием было наличие как минимум одного реаниматолога. Был такой специалист и даже помог сгружать организм на каталку. Пока мы тащили ее внутрь, на два голоса рассказывали, что было, что стало. Разве что ту часть, где повествование «на чем сердце успокоилось», доверили местным специалистам.

Но мужик просто розовеет на глазах! К счастью, нашему рассказу поверили и забрали к себе. Может, реаниматологам тоже интересно стало, как такое случилось. Ну как говорится, вскрытие покажет...

Правду мы узнали часа через три, когда привезли в эту же больницу очередного пациента. Я не выдержал и пошел в реанимацию за последними новостями.

Мы оказались почти правы. Во всем виноват алкоголь. Именно из-за его повышенной концентрации мужик попытался проглотить слишком большой шмат мяса. И получилось инородное тело, только не дыхательных путей, а пищевода. Здоровенный непрожеванный кусок застрял на полпути в месте сужения и придавил главный бронх. А пока мы его везли и, соответственно, трясли, то пища смогла продвинуться естественным путем и попала в желудок.

Вот уж действительно, дуракам везет.

* * *

Галя опять забухала. На полноценный запой это не тянуло, так, на затянувшуюся пьянку. Дня три синячила она с какими-то залетными дружбанами, которых всегда в достатке, если вдруг понадобится помощь погулять на халяву. Но как пелось в песне – а годы летят. Здоровья уже не хватает. Еще чуть-чуть, и принцесса достигнет того возраста, когда отсутствие болей после пробуждения означает смерть. А хочется же как в молодости.

Верный Буряце организовал плацдарм для лечения в своей московской квартире на Кутузовском. Точно говорил побывавший здесь Давид – больше всего его жилище напоминало антикварный магазин. Стиль «цыганское барокко» во всей красе. Лепнина, позолота, люстры из серии «кошмар уборщицы». Бархат, картины и всякие пуфики с креслами. Короче, один пылесборник возле другого. Как психически здоровый человек может в такой обстановке постоянно находиться – вот не знаю.

Галя охала и стонала на здоровенной, наверное, пятиспальной кровати. Для такой постельное белье только по заказу шьют, в магазинах вряд ли продают. Понятно, что и здесь самое малое – девятнадцатый век, всё в финтифлюшках и завиточках. Даже под стойку для капельницы мы приспособили вешалку для шляп из каких-то рогов на стойке из орехового дерева. В голове мелькнула дурная шутка про то, у кого это дело отпилили, но оглашать сомнительную остроту про ментовского генерала я, естественно, не стал.

Ну что сказать? Вылечили Галю, куда же мы денемся? Не то что на ноги поставили, но интоксикацию сняли, желудок успокоили, голову прочистили. Сейчас бульончику крепкого попьет – и завтра снова в бой. Мы уже потихонечку начали паковать то, что не понадобится, как зазвонил телефон. Борис пошел, поднял трубку. Что говорит кто-то нежелательный и даже неприятный ему, сразу после «алло» стало понятно. Звонивший искал Брежневу, а Буряце рассказывал, где он видит звонящего, на чем он его вертел и прочее. В выражениях не стеснялся. Немного полаявшись в стиле «ты на кого лапу поднял?», он бросил трубку.

Я на этот разговор поначалу внимания не обратил. Это их заморочки, мне они не интересны. Его жизнь, пусть грызется с кем хочет. Но буквально минут через тридцать тема получила развитие.

Знал бы – включил бы скорость вливания на максимум и постарался сбежать побыстрее. Но в этот день и у меня, и у Давида интуиция не работала совсем. Потому что звонок в дверь никого из нас не побеспокоил. Борис пошел открывать. Щелкнули замки, и в прихожей загорелись на повышенных тонах. Тоже в выражениях не стеснялись. Мат-перемат, потом, судя по звуку, кто-то получил смачного леща.

В комнату зашел высокий, статный мужчина. А я знаю!.. Он хоть и в гражданке, но его звание мне известно. Генерал-полковник. Первый заместитель министра. И муж дамы, которой я вот прямо у него на глазах извлекаю иглу капельницы из вены. Красивый мужик, и нет в нем той кукольности, которую так тщательно культивировали ретушеры советских газет. Наоборот – взгляд тяжелый, властный. Юрий... как же тебя там по отчеству? Чурбанов. Хорошо начал, высоко взлетел, но уже через годик-другой сгорит синим пламенем. Сразу как тестюшка представится, тут же Андропов и начнет гнобить их компашку с Щелоковым окончательно. Босс застрелится, а вот Юрок в тюрьгу отъедет. Галя быстро с ним разведется, типа я ни при чем. Но судя по перстням с огромными бриллиантами на руках – очень она даже при делах.

– Из ЦКБ? – спросил он. – Закончили? Выйдите.

Каждое слово, блин, по пятьдесят кило. Но нам не хамит, понимает, что мы тут ни при чем. Оперативно собрав барахлишко, мы рванули на выход. Проходя мимо генерала, я почувствовал неслабый такой выхлоп. Да уж, как-то у них с разнообразием способов снять стресс не очень. Один метод, и не совсем эффективный к тому же.

Мы двинулись было в прихожую, но дорогу нам преградил какой-то крендель, спорить с которым нам почему-то не захотелось. Поставили человека с задачей «никого ни в какую сторону не пущать», так зачем ему мешать? Нам и на кухне посидеть можно.

– Коля, помоги! – крикнул Чурбанов из спальни, и выход на время освободился.

Мы дружно решили, что пора и честь знать, и быстренько рванули на выход. Где там был Боря Буряце, гонорар, нас и вовсе не интересовало. Прошли мимо «Чайки», горделиво стоящей у подъезда с приоткрытой задней дверцей, сели в свою машину и уехали.

– Это кто был? – спросил Давид, когда мы уже покинули зону боевых действий. – Мужик Галин?

– Телевизор смотреть надо, – ответил я. – Первый зам Щелокова, генерал Чурбанов.

– Офигеть, – протянул Ашхацава. – Вот это засада! Кончился наш бизнес!

– Да и хрен с ним, заработали немного, и хватит. Тише едешь – дальше будешь.

В ответ на эту сентенцию Давид только покачал головой.

– Интересно, забудут они про нас или нет?

– А ты сам как думаешь? – спросил я. – Сколько времени до следующего загула пройдет? Молчишь? И правильно.

Князь помолчал, но недолго:

– Слушай, а почему они все бухают как не в себя?

– Культуры нет. Да и воспитания тоже. Как стресс снять? Только водку и знают. Хотя эти, наверное, уже на элитное виски да коньяки перешли. Впрочем, хрен редьки не слаще.

– Да какой у них стресс! – возмутился Давид. – Галя мне говорила, что где-то в МИДе формально оформлена, а на работу не ходит. Шляется из ресторана в ресторан. Не жизнь, а конфетка.

– Ты же ее видел только что, – возразил я, останавливаясь на красный. – Какая тут конфетка? Живут в постоянном страхе – даст дуба папаша и сожрет их Андропов с потрохами. Поотнимает все эти бриллианты, может, вообще в тюрьму упечет, если возбухать будут. А они, поверь, будут. Совсем обнаглели. Вот откуда у служащей МИДа брюликов на сотни тысяч рублей?

Мы опять помолчали. Москва нам дала «зеленую улицу» – я разогнался под восемьдесят.

– Ты прав, – Ашхацава переварил мой вопрос, вздохнул. – Юрий Владимирович, конечно, крут. Даст им прикурить. Но я слышал, что сейчас главный не он, а Суслов. Этот всех в кулаке держит, даже в КГБ чихнуть без его приказа не могут.

– Дава, не лезь в это дерьмо. Нырнешь – не всплывешь.

Слова оказались пророческими. Но не для Давида.

* * *

Вечером уже, часов в пять, позвонил телефон. Секретарь Чазова сообщила мне, что завтра в девять тридцать пять у меня назначена встреча с академиком. Ясное дело, что моими планами никто не интересовался.

Я позвонил Морозову – нет, его не вызывали. И зачем, спрашивается, начальнику четвертого управления Минздрава студент? Отчитаться о проделанной работе по запугиванию вредной старухи? Да, спасибо, я и так вижу результаты: жалоб на меня никто не пишет, а наши случайные встречи придают Пилипчук необычайную бодрость, и она старается быстро пройти мимо меня. Вот что значит старая школа! Сказал начальник «Бойся!» – под козырек и выполнять приказ самым наилучшим образом. Никаких особых догадок мой мозг не произвел.

В приемную академика я попал загодя. Сидел, смотрел, как в кабинет входят и с разной скоростью покидают его разные люди. Утро большого начальника. Подошла и моя очередь.

Я зашел в уже знакомый кабинет, поздоровался. Чазов кивнул, показал на стул напротив себя. Ничего по выражению лица не поймешь, сплошной покер-фейс. А неизвестность в таких случаях больше всего и бесит.

Начал Евгений Иванович артподготовку издалека. Спросил про исследование, покрякал на то, что из плацебо-группы получился внезапный скачок оттока. Рутина, короче.

– Так что там по экспресс-диагностике? Что вы придумали? – вдруг спросил он.

– Дыхательный тест, товарищ Чазов, – как и положено, молодежато и с чуть повышенным энтузиазмом ответил я.

– Хватит дурачка изображать, – махнул он рукой. – Быстро, в двух словах: принцип и трудности.

– Уреaza, которую вырабатывает наша бактерия. Фермент можно уловить в выдыхаемом воздухе. Ну как алкоголь у водителей, – уже спокойнее продолжил я. – Трудности технического плана, необходим в довольно больших количествах изотоп углерода, который пока не производится.

На досуге я смотался в Ленинку – зарегистрировался, а заодно поизучал нужную литературу. Потом сделал пару визитов по кафедрам Сеченовки.

– Откуда знаешь, что нет производства? – карандаш в руке академика замер над листом бумаги.

– Пошел и спросил на кафедре у радиологов, – ответ был дан максимально быстро. И да, я действительно ходил на кафедру рентгена и узнавал про углерод. – Говорят, дорогое изготовление.

– Это уже не наше дело, – сказал Чазов, переложил листик в сторону и продолжил, не меняя интонации: – А расскажи мне, товарищ Панов, каким ветром тебя занесло заниматься тем, чем не положено? Кто тебе давал разрешение на оказание медицинской помощи лицам, закрепленным за Управлением? Ты соображаешь хоть, куда залез?

Вот вроде и говорит спокойно, не кричит, а у меня по коже даже не холодок, а натуральный морозец.

– А что можно было сделать? – после паузы ответил я. – Отказаться после того, как Галина Леонидовна попросила о помощи? Сами понимаете, таким людям перечить – себе дороже.

– Твое счастье, что вы там ничего не натворили, – продолжил нагнетать Евгений Иванович. – Случись какие-нибудь осложнения, не защитил бы никто.

То есть прощены с недопущением в будущем? И ладно. Я встал, пододвинул стул на место.

– Всё понял. Не повторится. Я пойду, Евгений Иванович?

– Тебя никто не отпускал. Что за манеры? Или ты у этой своей, как ее?.. Пилипчук?..

Ого, да я, кажется, прощен.

– Извините, пожалуйста, – и стул скрипнул подо мной немного. – Спасибо вам, кстати, за помощь. Если честно, я уже не знал, что с этой женщиной делать.

– Хватит лирики, Панов, – Чазов посмотрел на наручные часы, недовольно поморщился. – Значит, так. Галина Леонидовна очень просила за тебя. Волшебником называет. Принято решение... Короче, неделя тебе, чтобы рассчитаться у себя на работе. Трудоустроим тебя на нашу «скорую». Традиционно у нас студенты не работают, но тут случай особый. График... договоритесь там с начальником... Но в особых ситуациях... тебя вызовут. И никакой самодеятельности! Вопросы?..

Ну что сказать... Все намного лучше, чем могло бы быть. Нужен я Чазову. Поэтому и вместо кнута – пряник.

– Две недели, по КЗоТу же. Одна небольшая просьба, Евгений Иванович...

Снова блеснули стекла очков. Хм, похоже, границу я всё-таки перешел. Но куда уже теперь? В этом кабинете перемотка назад не предусмотрена.

– Ну? Говори уже.

– Я бы хотел, чтобы со мной на работу перешла врач Томилина Елена Александровна. Она – грамотный спец. . .

– Не по чину тебе тут условия ставить! – обрубил мои хотелки хозяин кабинета. – Молод еще всех своих любовниц за собой таскать! Сам по краю прошел, а туда же! Юбок тебе мало?

А вот и кнут образовался. Да уж. Не тот момент я выбрал для торговли. Как щенка, носом макнули и мордой размазали. Ничего, мы к этому разговору еще вернемся. Не в этом кабинете, так в другом. Или это знак судьбы? Такой ответ для возможности решить ситуацию и перестать играть роль Труффальдино?

– Мало! – вызывающе ответил я.

Тут себя как поставишь. Или на голову сядут, или. . . Почему бы не поторговаться?

– Я с Томилиной пуд соли съел. Ладно, если нельзя ее в ЦКБ, дайте хотя бы путевку в дом отдыха от четвертого управления. На майские праздники. На двоих.

– Панов! – Чазов даже привстал в кресле. – У меня просто слов нет!

– А слов и не нужно, – я кивнул на пачку с пустыми приказами. – Просто черкнуть пару строчек в профком.

«Слабоумие и отвага» – вот наш девиз. И знаете, что? Сработало! Евгений Иванович и вправду махнул рукой, быстро что-то написал на листике. Протянул мне.

– Спрошу обратно вдвое. Имей в виду!

Глава 2

В профкоме, конечно, обалдели. Еще даже не оформился, а собирается в отпуск. А полгода отработать не хочешь сначала? Дело решила резолюция Чазова. Позвали начальника, тот почесал затылок, подумал – и шестеренки завертели, нашли какую-то лазейку. Все-таки я студент, да еще из регионов. Мне пришлось сходить в отдел кадров, написать заявление. Сделать с него копию и принести в профком. Оплатить сто процентов стоимости – благо на подстанции выдали зарплату и деньги были. После чего мчаться к Лебензону, срочно писать заявление на увольнение.

– Как уходишь?! – удивился он, будто я у него подписывал кровью договор пожизненной службы.

– Предложили место получше, – пожал плечами я. – И зарплата в полтора раза выше. Почти двести рублей.

– И куда?

– ЦКБ. «Скорая» на Волынке.

– Кремлевка, значит... – Ароныч покачал головой. – Высоко взлетишь – больно падать будет. Оставайся у нас, я тебе тоже прибавлю. Изыщем фонды. Там и спрос больше, причем не в полтора раза.

– Надоело по бомжам мотаться, – честно признался я. – Да и Лену жалко. Последнее даже важнее. Помните, как мы чуть от менингита не загнулись?

Главврач пожал плечами. Мол, профессиональный риск – сами знали, на что шли.

– Томилину с собой утащишь?

– Сразу не получится, – неуверенно ответил я. – Но попробую.

– Эх, Панов, Панов, – Лебензон горестно закатил глаза. – Если бы не помощь с делом Каверина... Давай заявление, подпишу. Но две недели отработать придется.

– Само собой!

* * *

– В Сочи?!

Лена чуть не упала на меня. Девушка упиралась мне в грудь двумя руками. «Диана-Наездница». И как только я ей по дурацки озвучил идею поехать на майские праздники вместе отдохнуть, всплеснула ладошками, покачнулась. Пришлось ловить.

– Конечно же хочу! Спрашиваешь еще...

А я до хруста сжал зубы. Вот ведь дурак! Поддался минутной слабости. Томила так хотела показать на себе венские обновки – чулки и прочее, что не побоялась после ремонта машины заявиться ко мне еще раз домой. И опять без предупреждения! Я, конечно, дал слабину. Мигом утащил Лену в постель. А там... ну ляпнул, не подумав. И что теперь делать? Откатывать обратно?

– А куда? И когда?

Посыпались вопросы, а я лежал и думал, как мне поступить. Поездку-то я обещал Лизе! Ну допустим, майские я смогу отмазать – выхожу на новую работу. Но загар-то не скроешь! Или все-таки можно скрыть?

Томила продолжала задавать вопросы, на которые у меня не было ответа. Остался единственный способ прекратить этот поток эмоций – перевернуть на живот и поставить Лену на четвереньки.

В самый ответственный момент... раздался звонок телефона.

– Не бери!

Лена разошлась, трубка продолжала разрываться.

– Если возьмешь – прокляну!

Телефон не умолкал. Да кто же такой настойчивый-то? И голосовых ящиков еще не придумали...

– Извини, моя ненасытная, – я попытался сгладить все шуткой, – он не даст нам закончить.

– Тебе никто не даст с таким отношением, Панов, – ядовито произнесла Томилина, переворачиваясь на спину и закутываясь в одеяло.

– Вместе в дурке веселей. Больница Кашенко. Слушаю.

В трубке раздался мужской «кхм...», Лена не выдержала, засмеялась.

– Это квартира Панова?

Я узнал в телефоне голос Раппопорта.

– Александр?

– Да, я в Союзе. Вы говорили о готовности встретиться.

Меня всего прям продрало от ощущения того, что нас слушают. Поди, седьмое управление КГБ не спит – пасет всех приезжающих иностранцев.

– А вы звоните...

– Из таксофона, – в трубке раздалось понятливое хмыканье.

Тоже не гарантия, но уже лучше.

– Хорошо, давайте встречаться. Где и когда вам удобно?

– Меня довольно плотно... опекают. Как насчет выходных? Планируется культурная программа, надеюсь, я смогу вырваться. Сможете меня ждать в субботу в полдень в ресторане «Арбат»?

А вице-президент «Джонсон и Джонсон», оказывается, подкованный. Кто-то его очень так хорошо проконсультировал насчет крупнейшего в Москве рестика – аж на две тысячи мест! Но и встретиться там будет не просто.

– Смогу.

– В полдень воскресенья – запасной вариант, если я не приду в субботу.

Раппопорт повесил трубку не прощаясь. А я внимательно так посмотрел на Лену, которая вытащила стройную ножку в черном чулке из-под одеяла, облизала губы.

– Продолжим?..

Александр приехал за конкретикой, пустыми словами от него не отделаешься. Надо дать описание теста, формулы. И желательно на английском.

– Ага, продолжим. Ты знаешь, я из нашей «скорой» ухожу.

* * *

На новую работу я пошел заранее. Скажем даже – меня туда вызвали. Понятно, что не в заводскую медсанчасть устраиваюсь. Тут куда ни ткни – везде небожители. Плевать не рекомендуется. Вот меня и пригласили в кадры. А точнее – в первый отдел. В нем сидят суровые дядечки и проверяют анкеты и допуски. Это я так думал, основываясь на богатом опыте упоминаний в книгах и фильмах. Меня пытал какой-то совсем не старый, точно моложе пятидесяти, мужик, чем-то неуловимо похожий на отчима Федю. Такой же весь правильный до зубной боли. Мне он таким показался, этот Антон Герасимович Викулов. Звания своего не сообщил, хотя название той самой трехбуквенной организации разве что не во лбу светилось.

Никакого недовольства или раздражения от того, что пришлось заниматься каким-то студентикой, он не показал. Положил перед собой папку – обычную картонную, с тесемочками, довольно тощую, причем с моего места я там ничего подсмотреть не мог. И началось – где

родился, как учился. Кто родители, почему в разводе, и всякое такое. Насчет всеислия конторы у меня возникли сомнения. Обо мне они располагали только анкетными данными. Даже про Вену спросил этот мужик как бы походя. А про разборки с ментами насчет якобы украденного магнитофона и вовсе разговора не возникло. Удовлетворился безопасник моим коротким «не привлекался».

Короче, про первый сексуальный опыт и успеваемость в шестом классе не спрашивали. Неинтересны органам такие сведения. Насчет контактов с иностранцами – по верхам прошли. Тоже достаточно было заявления, что в активной переписке не состою, родственников за границей, известных мне, не имею.

Зато про работу мне рассказали во всей красе. И едва ли не каждое ценное указание сопровождалось письменной подпиской. Неужели нельзя было сотворить одну всеобъемлющую бумагу и давать ее подписывать? Проще было бы. Хотя, может, у них наоборот, есть желание запутать человека на собеседовании? Но все ЦУ свелись к одному большому завету: ты есть никто, к контингенту инициативно не обращаться, отвечать только на их прямые вопросы, строго выполнять указания руководства. Попытаешься решать какие-то проблемы в обход – увольнение без разборок. А остальное, типа быть опрятно одетым и тщательно выбритым и подстриженным – так, приложение.

* * *

К Шишкиным отправился с цветами. Это для мамаш. Для профессора купил бутылку коньяка «Юбилейный». Цена этого чуда из Армении тридцать шесть рублей с копейками, но дело того стоило. Купил напиток совершенно спокойно в гастрономе. Ради такого богатого покупателя продавщица даже бутылку протерла.

– А что за повод? – удивился Николай Евгеньевич, открывая дверь и разглядывая врученный коньяк.

– Повод есть. Меня берут в ЦКБ на работу.

– Вот это новость! И куда же?

– Пока фельдшером в «скорую» на Волынке.

– Тебе же учиться год осталось?

Мы прошли в гостиную, профессор сразу достал коньячные бокалы. А Шишкин-то сегодня в хорошем настроении.

– Да, год. Но там можно ходить уже без обязаловки. Зимней сессии нет, а госы сдать – сами знаете, надо сильно постараться, чтобы их запороть. Ну и интернатура еще год.

– У нас и пройдешь. На Волынке сильные специалисты.

– А что за повод? Что отмечаем?

В гостиную зашли Анна Игнатьевна и улыбающаяся из-за ее спины Лиза. Девушка явно была рада меня видеть. Я быстро сориентировался, разделил букет тюльпанов на два. Ну, и отложил один цветочек в сторону, чтобы ни в одном новом букете не возникло нефэншуйного четного количества. И только после этого вручил.

– Устроился на работу в ЦКБ. Лично Чазов проводил собеседование.

Эта новость произвела впечатление. Анна Игнатьевна засуетилась, начала накрывать на стол. Припахала Шишкину.

– Лиза, извини, – я поймал девушку за руку, когда она расставляла тарелки. – На майские поехать не получится... Я на работу должен выйти. Может даже не увидимся – первая неделя самая адская.

– Что ты! Я все понимаю.

– А я вот не понимаю! – профессор разлил коньяк по бокалам. – Почему мы еще не выпили?

От Шишкиных я выходил на подрагивающих ногах. Во-первых, «Юбилейный». Голова ясная, а ноги не идут. Во-вторых, все эти маневры. Будто по минному полю ходишь. Шаг влево, шаг вправо...

* * *

Если бы я не знал, как работают диспетчеры, то подумал бы, что нам специально подсовывают сложные вызовы. Но нет, посылают в очередь, нас не выделяют. А «скорая» как будто клеем намазала и не отпускает. Может, надо принести жертву? Пирожными, допустим. Но это на последнее дежурство, не задабривать же божество «03» каждый день. А тут прямо что ни вызов, то сюрприз. Полоса такая пошла, бывает. Едешь к мирной бабушке на гипертонический криз, а там геморрагический инсульт, и вдобавок ко всему «маленький» сенбернар не выпускает нас из комнаты. А те, кто способен договориться с собаководом, куда-то убежали и возвращаться не планируют.

А замечательный вызов «болит спина»? Поверьте, это просто праздник победившего сатанизма. Приезжаем. Сидит мужик, представительный такой. Я даже подумал, что это перенесся сюда любимый сын одного чиновника. Тот тоже вширь был больше, чем ввысь, и, по слухам, создавал вокруг себя собственное гравитационное поле. Вот сидит этот красавчик, щеки по плечам разбросал и вещает утробным голосом, что у него болит под правой лопаткой, и он уверен, что у него инфаркт миокарда. Об этом рассказывала в программе «Здоровье» врач Белянчикова.

Делать нечего – клиент всегда прав. Думает он, что болит сердце, делаем кардиограмму. А для начала померяем давление. Вам случалось пытаться наложить манжету от тонометра, допустим, на бедро упитанного человека в верхней его трети? Тот, кто сказал «невозможно», на «скорую помощь» не годен. С помощью бинта, веревочек и старинного русского заклинания узнали: сто пятьдесят на девяносто. Пациент пожелал той же процедуры на второй руке, но тут завязочка порвалась. ЭКГ тоже сняли. Веселое занятие. На это пошли остатки бинта. Короче, соврала телеведущая Юлия Васильевна. Не было у пузыря инфаркта. Кстати, Белянчикова тоже Сеченовку заканчивала.

Но болит у мужика под лопаткой. Видно, что мучается, бледный, язык сухой. Может, хондроз? Промяли всю спину – спокойно всё, не позвоночник. Я долго пытался оттянуть этот момент, но пришлось. Ну не Лене же пытаться промять брюхо таких размеров. А вдруг споткнется, упадет и утонет? Нет, ну реально там живого веса пудов двенадцать.

Я мял ему пузо добрых полчаса. Ничего не понятно. Ну то есть совсем. Да я вспотел даже! Томилина пожалела меня, подошла и тихонечко говорит:

– Да давай его с аппендицитом отвезем. Пока они там анализы сделают, понаблюдают – и смене конец.

Отвезли. Только Харченко недовольно вздыхал, когда мужик в машину залез.

Самое странное, что угадали. У жирдяя оказалось подпеченочное забрюшинное расположение отростка.

* * *

В ресторан под знаменитым глобусом я приехал с небольшим опозданием. Всё из-за легкой паранойи. Припарковаться можно было и прямо перед входом, и я, выехав из-под моста со Смоленской, уже начал туда подъезжать, но тут в голове мелькнула мысль, что это будет как маяк: гляньте, я здесь. Вот дурень, надо было ехать по Воровского, остановиться там, а сюда пешком пройти. Тоже мне, опытный водитель нашелся. Пришлось ехать до «Валдая», повернуть в Арбатский переулок, с него на... Арбат, ведь он еще ни разу не пешеходный! Как

я мог забыть? С него – на Спасопесковский, оттуда – в переулок Воеводина, и я всего лишь метрах в трехстах от «Арбата». Красота, да и только. Можно было бы просто проехать чуть дальше, но великий мастер шпионажа внутри моей головы утверждал, что на Калинина существует специальный пост наружки, поставленный с единственной целью – засечь, как я паркуюсь у обочины.

Американец ждал меня у входа, как пионер на первом свидании. Одет неброско. Костюмчик явно не от Бриони, простой, у нас в таких средний чиновный люд ходит. Слегка поношенный, любимого советским народом немаркого цвета, рубашечка скромная, белая, но уже слегка утратившая яркость, галстук никакой. Глазу зацепиться не за что. Ботиночки вот только... тут качество выпирает, такая обувь у нас редкость. Так вниз у нас мало кто смотрит, большей частью выше пояса.

– Здравствуй, Андрей, – скупое обронил он. Даже вроде как тормознул перед тем, как руку подать. – Пойдемте, я заказал столик.

Пошли, сели. Тут же подлетел официант, вежливый, собака, как в кино про буржуев. Странно немного, сейчас официанты с таксерами – самые пролетарские специальности начала двадцать первого века, белая кость, аристократия, смотрят на клиентов слегка надменно. Очень смешно было читать, как они бросились осваивать забугорье во времена перестройки, и оказалось, что им только казалось. Ни денег, ни почета, за доллар чаевых танец живота исполнять приходится.

Заказал что-то простое. Котлету по-киевски, гарнир какой-то, салатик, сок яблочный. На раздел с десертом в меню не смотрел даже.

Раппопорт решил резину не тянуть, китайских церемоний с беседами про погоду и виды на урожай не разводил. Только ушел официант, сразу в лоб спросил:

– Что вы можете мне предложить?

– Неинвазивная диагностика, – бухнул я.

А что, давай, буржуин, переваривай. Ага, глазенки загорелись. Наверное, сомневался, правильно ли он отгрузил мне три тысячи из представительских. Понятно, что контора спишет, но минус в карму заработал бы.

– А подробности? – оживился он.

– Запросто, Александр. Вы же привезли апостилированный перевод договора? Где он? Хотелось бы ознакомиться. Если меня там всё устроит, то я сообщу вам подробности.

Заерзал капиталист. А кто говорил, что будет легко? Я буду смеяться, если он мне скажет, что договор только на английском, а очередь на нотариальные услуги в посольстве подойдет через месяц. Немного не так оказалось.

– Перевод засвидетельствован авторитетным нотариусом. Наша компания много лет работает с этими юристами, нужды в апостиле нет. Мы им всецело доверяем...

– А я вам – нет. Вы уже пытались меня обмануть, помните? – продолжал я гнуть свою линию. – Если всё так, как вы говорите, сходите в консульство, там сделают апостиль.

– Это не так работает, господин Панов...

– Слышал уже. Ну конечно, там рай, ну конечно, здесь ад, – напел я.

– У меня нет настроения слушать песни! – попытался изобразить негодование Раппопорт. – Давайте говорить серьезно!

– Договор с собой?

– Вот, пожалуйста, – он начал вытаскивать из портфеля синюю папочку.

– Спрячьте. Не буду же я сейчас его читать? Мало ли что вы там напечатали мелким шрифтом в конце. Сяду дома, изучу внимательно. А завтра вы позвоните, я скажу свой вердикт.

Что-то слишком быстро принесли мой заказ. Они там котлету разогревали, что ли? Не готовили? На фига мне такой ресторан? Полуфабрикат я и в кулинарии купить могу. Впрочем, блюдо ходовое, в большом заведении его часто заказывают, может, постоянно готовят свежие.

Если честно, то я ни хрена не понимаю во всех этих апостилях. Приблизительно знаю, но не более того. Как выглядит штампик консульства – спросите что полегче, никогда его не видел. Подсунь мне Раппопорт какую-нибудь бумагу с печатью, сделанной из квотера, смогу я понять, что это подделка? Но в этом деле главное – не то, что ты знаешь, а что американец думает. Вот он и будет ходить и заказывать подтверждение нотариуса. Пусть побегает, помучится немного. Больше бояться будет. А я обязательно придерусь к какому-нибудь пункту договора, заставлю переделывать. А у него есть бланки с синей печатью на такой случай? Блин, сейчас бы не рассмеяться только.

Кстати, котлета хорошая. Напрасно я на них плохо думал.

* * *

По большому счету на планерку я мог бы и не ходить. Всё равно уйду, никаких наказаний за это мне не грозит. К тому же студент – что с меня взять? Но пошел зачем-то, сижу, слушаю.

Сначала Галя метала молнии глазами и демонстрировала отличную имитацию львиного рыка. Заставила молодцев из восьмой бригады принести сумку и теперь показывала заросли мха, выросшего по углам. И ведь не поленилась вытащить всё из чемодана, расстелила газету и вытряхнула на нее какой-то мусор. Ну и нравоучения в армейском стиле, «сегодня, товарищ солдат, у вас бляха на ремне не чищена, а завтра вы родину предадите».

Потом началась ария Ароньча. Заведующий в лучших традициях советских собраний довел до всех крайне важные цифры: количество вызовов, их структуру, время обслуживания. Вы еще не уснули? Ну да, я же вам кратко изложил получасовой докладик. Хорошо хоть про международное положение не стал вещать.

Потом зачитал несколько «писем счастья». Некоторые пациенты думают, что напиши они такое послание – и медику за это дадут премию. Я всегда спокойно к этому относился. Пока требование представляться клиентам не стало слишком жестким, называл фамилию Неизвестный или Санитар. Такие письма Лебензон и оглашал сейчас. Поначалу всё шло как обычно – спасибо, спасли, вернули здоровье, не дали умереть. Зато под конец был настоящий шедевр. Благодарили Серёгу Чуба, того самого, что выпил по ошибке мочегонное. Мол, товарищ фельдшер приехал на вызов и начал спасать от почечной колики. Уколол один укол, второй – эффекта никакого. Но советский медик не растерялся и рассказал очень смешной анекдот. От наступившего после этого смеха камень прошел дальше, и приступ болезни прекратился – весь песок из почек через «ха-ха-ха» вышел. Это я письмо цитирую, если что.

– А какой анекдот, Чуб? Расскажи! – оживились слушатели.

– Потом, не при дамах, – отнекался тот.

Конференция закончилась, а мы пошли в ординаторскую пытать Чуба.

– Короче, слушайте, – раскололся фельдшер. – Заболевшему деду назначили противовоспалительные свечи. Через неделю он приходит на повторный прием и говорит: «Доктор, ем я эти ваши свечи и никакого проку». Врач удивленно: «Так вы их что, едите?» А ехидный старичок в ответ: «Нет, в жопу запихиваю».

Народ посмеялся, я тоже поулыбался. И тут коллеги вспомнили обо мне.

– Панов, говоришь, ты уходишь?

– Да, позвали за Брежневым ухаживать в ЦКБ. Видели по телеку, как его залечили паркетные? Еле говорит.

– Свистишь!

– Не верим.

– Вот копия моего заявления. Специально попросил сделать, на память, – я всем продемонстрировал запасливо взятую бумагу. – На Волынке буду работать. Вон, смотрите, внизу подпись Чазова.

В ординаторской повисло потрясенное молчание.

– Ты?!

– Студент?

– А проставляться когда?

Наконец первая разумная эмоция.

– Давайте послезавтра, после смены? Какие будут пожелания?

– Может, шашлычка? – отмер Чуб. – Пойдем в парк, я знаю местечко в Тропарево. Очень культурно, беседка, мангальчик... Снег уже сошел, травка пошла.

– Тогда с меня мясо и выпивка. Будут пожелания по алкоголю?

Тут, конечно, эстеты оживились. Женщины потребовали сухое красное. Мужчины – коньяк и водку. Старшая фельдшерица пообещала принести овощи, хлеб и даже томатный соус «Шашлычный». То есть кетчуп. В болгарских банках с зеленой крышечкой. У Гали знакомый в продуктовом гастрономе работал – она даже поделилась со мной контактиком.

– Но сам понимаешь, – на ухо пояснила женщина. – Две цены. Автандил может достать всё. Мясо без кости, копченую колбасу, сыр, масло... С черного хода. Звонишь заранее, делаешь заказ. Он тебе озвучивает сумму. Деньги в конверте.

С продуктами в столице становилось все хуже и хуже. Еще летом – отстоял небольшую очередь и всем затарился. А теперь отстоял большую очередь, минут на сорок. И затарился не всем. Этого нет, то не выкинули. За хорошим мясом, рыбой надо было ехать на рынок и платить втридорога. И все это на контрасте с недавней Олимпиадой, когда в Москве было примерно все. И без очередей. Народ быстро к этому привык, и вдруг его возвращают в социалистическую действительность.

В очередях функционируют слухи, что продуктовые карточки уже ввели в Волгограде, в Свердловске, Казани и Новосибирске. Дескать, готовьтесь, скоро все будет в столице – смотрите, как обкатывают в регионах. Больше всего волнуются три категории. Мамашки. Ну с ними все понятно. А еще алкаши и курильщики. Заметил, что возле табачных киосков тоже стали появляться стихийные очереди. Не часто, но бывало, что сигареты кончались.

– Томилина, Панов, на выезд – крикнул репродуктор, прерывая мои размышления.

– Конечно, давай телефончик, – я достал записную книжку, подмигнул Гале. – Устроим отвальную!

* * *

Так, что у нас там? Болит живот? Дама, двадцать шесть лет, на адресе – дом без квартиры. Частный сектор? Ну да, есть же остатки деревни какой-то возле МКАД. Вот и встречают нас. Подруга, наверное. Приземистая крестьянская фигура, из-под кургузого пальтишка ситцевый халатик выглядывает, старенький, застиранный. На ногах – тапочки со стоптанными задниками. Собачка лает, но так вяло, без энтузиазма.

Бросилась к машине, затараторила:

– Ой, спасибо, что приехали! Давайте я чемоданчик ваш понесу!

– Что случилось у вас? – строго спросила Лена. Правильно, дистанцию с пациентами держать надо. – Показывайте, куда идти!

– Да вот Тома Бурсакова, мы с ней тут комнату снимаем, попросила вызвать. Говорит, живот сильно болит. А сама бледная, – протянула она последнее слово, – прям как стенка белая. Я испугалась за нее, видать, заболела. Вот сюда, пожалуйста, пойдете.

Она распахнула перед нами калитку, пустила вперед.

– Вот, прямо, – показала она.

Я толкнул дверь, и в нос шибанул такой знакомый запах. На кровати кто-то пошевелился, застонал. Я посмотрел себе под ноги. Ох ты ж ё... Только этого не хватало! Кровищи на полу...

– Лена, я за растворами и носилками! Быстро! Организуйте тут пока хоть как пройти к ней!

Глава 3

Как ее там? Тома? Девчонка истекала кровью, причем весьма обильно. На полу образовалась лужа, которую, подвывая, пыталась уменьшить встречавшая нас девушка. А мне бы только ноги где-нибудь поставить! Судя по направлению потока, кровотечение сугубо женское, «оттуда». Быстренько давление померить, с остальным потом разберемся. Слабенько слышно, конечно. Систолическое примерно пятьдесят. Я бы даже сказал – сорок пять. Диастолического ожидаемо нет. Так потом Томилина и напишет – 50/0. Пульс есть, нитевидный, но хоть какой-то! Навскидку – сто двадцать. Или чуть больше. Шок геморрагический третьей степени. Вылилось из нее литра два, не меньше.

Ну, господи, помоги найти хоть какую-то вену! Если ей не влить сейчас внутривенно чего-то – похороним девку. На руке – голяк. Если там и было что-то, то давно спалось и попрыгало в такие глубины, что вот тут, возле старенькой кровати – не найти. Самое показание для подключички, но откуда у нас этот набор возьмется? Не было такого на линейной бригаде и не будет. Но есть еще одна вена, которая не спадается никогда и вполне доступна всем, кто про нее знает и не боится туда залезть.

Я откинул в сторону одеялко, которым пыталась прикрыться теряющая сознание девушка. Ох ты ж... натекло и тут. Ну, приступим, помолясь. Капалка уже заряжена. Когда я хоть успел? Не помню даже.

На самом деле доступ в бедро довольно прост. Надо только знать, куда колоть, потому что вена не на поверхности. Даже у такой худосочной особы. И чтобы длины иголки хватало, вводить ее придется почти по самую канюлю. Где же ты? Неужели мимо прошел? Врешь, не возьмешь! Мастерство пропить невозможно! Теперь трубочку подключаем, пластырем крепим – и лить. Без ограничения скорости.

– Ты посмотри на эти железяки! – тихо произнесла мне на ухо Лена.

Я кинул быстрый взгляд. Угу, инструментарий вивисектора в тазу. Кажется, я уже догадываюсь, что тут происходило.

Откуда-то появилась особа пожилого возраста. Начала что-то бухтеть и даже попыталась качать права. Ей отвечала Томилина и лаялась с ней по-жесткому. Что там от нас хотели, я особо не прислушивался, не до того. У меня вон, система для внутривенного вливания на соплях и честном слове держится.

Первые пол-литра влетели со свистом. Туда же пошли и вторые. Что у нас с давлением? Ого, да мы тут герои! Семьдесят на двадцать! Понятно, что это всё – паллиатив, из матки выльется с такой же скоростью, да и кислород по организму разносят эритроциты, а не физраствор с глюкозой. Так что повезем сами, а спецы пусть катятся нам навстречу. Потом прыгнут к нам в салон бравы молодцы, подключат кровезаменители, которых у нас тоже по статусу нет – и будет пациентка уже их, хоть и в нашем РАФе.

Пока я ходил за носилками, Томилина попыталась привести девицу хоть в относительный порядок, да какое там! Одежда вся в крови, мыть ее и негде, и некогда. То, что было на ней, мы просто срезали, а с собой подруга собрала пакетик с чистым. Ну, даст бог – пригодится. Прикрыли срам сверху только. Не до политесов.

Погрузили, повезли. С огнями. Это Миша уже решил проявить усердие. Хотя в этой деревне отпугивать некого.

Не успели мы выехать на большую дорогу, как отозвалась спецбригада. Договориться о точке рандеву. Спасибо, ребята, не стали чай допивать, погрузились и поехали.

Дальше неинтересно уже. Придумку с венозным доступом коллеги оценили, менять ничего не стали. Девчонку сдали в приемном отделении живой, хоть и в том же шоке третьей

степени. А дальше уже не наше дело, пусть гинекологи разбираются с реаниматологами. А нам надо носилки от крови отмыть оперативно. Нечего заразу развозить.

* * *

Ментовский лейтенант ждал нас на подстанции после обеда, часа в два мы с ним встретились. На «скорой» работники милиции – не новость совсем, почти каждый день встречаются. Мало ли что уточнить надо, а у кого еще спросить, как не у тех, кто видел всё чуть ли не с самого начала? Главное, не тянуть долго, а то медики и забыть могут.

Молодой хлопчик, с румянцем во всю щеку, губы как нарисованные, ресницы длинные – гроза девчат во всей округе. Сначала он Лену пытал, потом и меня позвали. Оказалось – по утреннему вызову, насчет Тома этой. Фамилию забыл уже. История там получалась темной. Криминальный аборт на поздних сроках. Понятное дело, вот в той халупе, где жила, там и сделали. Абортмакер сделал свою работу неаккуратно, прободение матки – и потом мы встретились с пострадавшей.

История печальная, потому что Тома эта, по фамилии Бурсакова, двадцати шести лет от роду, умерла. Короче, с криминального аборта случай переползает на более серьезные статьи Уголовного кодекса. А от нас требуется сознательность и внимание к деталям. Может, она нам сказала что, пока мы ее в машине везли? Конечно, товарищ лейтенант. Отчего ж не сообщить? В лучших киношных традициях открыла глаза и продиктовала список причастных, с адресами. Впрочем, про таз рассказали, Томилина только про бабку вспомнила, с которой она лаялась. Та, оказывается, очень хотела проникнуть в комнату и срочно забрать нечто такое важное, что аж нельзя ни минуты ждать. Ну и соседку по комнате сдали, которая нас встречала. Не может такого быть, чтобы подруга не делилась с ней планами. Ибо жить в одной комнате и не заметить, что соседка беременная на большом сроке – такого в жизни не бывает.

* * *

Да когда же я уволюсь из этого гадюшника? Силы мои на исходе. Вот сколько можно, а? Будто мало нам было истекающей кровью девицы, так вот вам другая. Для разнообразия внешне целая. И ведь трудно не заподозрить такую в злом умысле. Сами посудите. Пункт первый – травма получена два дня назад. Именно тогда случилось нечто, заставившее эту симпатичную барышню, с которой можно прямо писать портрет абстрактной отличницы и строительницы светлого завтра, выпрыгнуть из окна второго этажа. Факт прыжка она признает, а причину умалчивает. Да и хрен с ней, с побудительной силой, но почему возник пункт два? Потому что вызвали нас на это дело в час ночи, когда все нормальные люди спокойно спят.

И вот сидит эта студентка второго курса какой-то там филологии пединститута имени Крупской, хлопает глазами и жалуется, что ей трудно вставать. А днем тебе легко было? А вчера? Что ж ты вынашивала замыслы по лечению своей травмы так долго? Вот и маме твоей, немым укором торчащей в дверном проеме и делающей вид, что она нервно мнет в руках носовой платочек, тоже эти вопросы стоило бы задать.

Томилина в легком недоумении. Ведь на просьбу продемонстрировать недуг она получила неподдельные муки приведения организма в вертикальное положение. Страдает пациентка, и чтобы такое изобразить, надо на другом факультете учиться. А внешне – ни фига. Разве что бедра в верхней трети слегка синюшные.

– Что делать будем? – тихо спросила она, наклонившись ко мне. – Дома не оставить, мамаша нас не выпустит, а везти с чем? И куда?

– Как куда? В парашютистку играла? В травмпункт прямая дорога. Туда и доставим.

Ага, а мамочка тоже желает принять участие в нашем маленьком совещании. Ишь, шею как тянет. Но пост не покидает.

– А диагноз?

– Да проще простого. Пиши «Закрытый перелом седалищных костей» с вопросительным знаком, и всё. Падала на жопу? Она же и болит. Перелом, если и есть, стабильный, без смещения. Лечение при таких симптоматическое, но то уже не наша забота.

* * *

Договор с «Джонсон и Джонсон» прочитал и вдоль, и поперек. Примерно много раз. Не к чему придаться. Никакого мелкого шрифта и сложносочиненных предложений на полторы страницы, где каждое отдельное слово хоть с трудом, но можно понять, а всё вместе – никогда и никому. Хороший договор, для учащихся вспомогательных школ, наверное. Но других мне не осилить.

Восемьдесят тысяч единовременно, если идея пойдет в разработку. Никаких роялти и прочего. Ты нам идею – мы тебе денежку. Промышленный шпионаж в чистом виде. Сумма будет переведена... ну и дальше мутотень про транши, конечные сроки и прочее. Указан мой счет в Австрии. И я скрепя сердце подписал.

А поступление денег на счет можно с тем же Раппопортом сделать. Пойти на Центральный телеграф, он закажет разговор, а я потом зайду к нему в будку.

Решено. А чтобы Раппопорт не соскочил, рисую на листке локтевой костыль. Самый примитивный, без регулировки высоты. Сейчас все костыли подмышечные, даже на Западе. Огромный рынок вырисовывается. Скажу Александру, что это коммерческое предложение – вписал в шапку семь процентов авторских от продаж – я заверил у нотариуса. Мол, если что – будем судиться. В Штатах судов боятся как огня – нация сутяжников. Если с костылем пройдет все гладко, то можно будет предложить и регулируемый по высоте. Плохо ли заработать на одном и том же два раза? Название нужно. А что если... «советский костыль»? Миллионы западных инвалидов и поломанных пациентов узнают о приоритете нашей Родины. Даже в шутку предлагать не буду, конечно. Маркетологи придумают всё – и броское название, и рекламу соответствующую.

* * *

У меня зазвонил телефон. Кто говорит? Сейчас узнаем.

– Слушаю.

– Андрей, давайте быстро ко мне! Всё бросайте и летите!

– Уже стартую. Подлетное время пятнадцать минут. Что хоть случилось, Игорь Александрович?

– Приедете, узнаете.

Судя по голосу, что-то очень хорошее. И ведь хоть бы намекнул, гад такой! Ничего, не через пятнадцать, так через двадцать минут узнаю. Ну же, лифт, подъезжай побыстрее! Я и сам не заметил, как какое-то оживленное беспокойство овладело мной. Вот и на перекрестке на желтый проскочил. Хорошо, хоть не было никого, но всё равно я себе такое обычно не позволяю.

К кабинету Морозова я уже прыгал по лестнице через ступеньку, так что встретился с руководителем проекта несколько запыхавшись.

– Ага, бежал! – улыбнулся Игорь Александрович. Нет, не так. Улыбался, это, знаете, такое немного ограниченное выражение эмоции. В данном случае он, как говорили у нас во дворе,

давил лыбу. Таким довольным я весьма скупого на внешнее проявление эмоций профессора еще не видел.

– Ну, говорите, что? – я всё еще выравнивал дыхание.

– Держите, – он достал из стола и подвинул мне какую-то брошюру в бледно-кремовой, почти белой обложке. – Страница восемьсот пять.

– Да в ней всего листов тридцать, не бо... – тут я замолчал, потому что перевернул книжицу заголовком вверх.

Скромный дизайн, я бы даже сказал, крайне минималистичный. «The Lancet, Volume 1, Issue 8224» – так себе заголовочек, наверное. Я открыл начало. Ага, у них сплошная нумерация, тут старт на 795 странице. Так, быстрее, пять листов от начала. И вот она. Наша статья. Читать смысла нет, я ее наизусть знаю. Но вот эти две фамилии в буржуйской транскрипции...

Что-то эмоции начали переполнять меня. Я только и смог потрясти головой и выдать совершенно неуместное в этих стенах протяжное «бля».

– Вот и я приблизительно то же самое сказал, – поделился воспоминаниями профессор. – А вы везунчик. Это очень хорошо, когда такой человек есть в коллективе. Считайте, что степень кандидата у вас в кармане.

– Так я институт еще не закончил, куда мне?

– Думаете, Евгений Иванович не составит протекцию? Поверьте, всё будет сделано так быстро, как только возможно. А время пройдет, не успеете даже заметить.

– Хм... – я повертел журнал в руках. – Надо бы отметить. Чтобы не последняя!

– Само собой, как насчет ресторана?

– Я только «за». Машину вот отгоню и вернусь. А журнал... это мой экземпляр? Только один?

– Если мало, можете сходить в Ленинку, попробовать украсть оттуда, – засмеялся Морозов. – Я и эти номера с боем отнимал.

Я лучше потрачусь на международный звонок и попрошу Солка прислать несколько номеров на память. Старший товарищ он мне, или я напрасно в опере мучения терпел?

* * *

Вечером позвонила Панова. После того случая она первое время чуть ли не каждый день рассказывала, что да как. А как начал Федя выздоравливать, то и доклады пореже, а потом и вовсе сошли на нет.

А сейчас чуть ли не с первого слова снова вернулась к этому случаю.

– Оперативник приходил.

– До сих пор никого не нашли?

– Ой, да ты знаешь, они, наверное, уже и перестали искать тех хулиганов. Никакого движения, звоню следователю, отговорки только. Работа ведется, поиски идут. Тут другое.

– Что?

– Про тебя расспрашивал. Куда ходил, с кем ездил, допрос настоящий учинил.

– А ты?

– Так и сказала, что ты то в больнице со мной был, то домой за едой ездил. Так ведь, негодяй такой, даже Федю встретил, тоже беседы вёл. Он ему отповедь и дал, что вместо того, чтобы бандитов искать, они непонятно какие допросы устраивают. Давление потом поднималось, таблетки пил.

– Не обращай внимания. Походят и перестанут.

Видать, подозревает мамаша что-то, но не говорит. А с другой стороны, сейчас менты против нее действуют.

– Сынок, ты извини за просьбу...

- Да? Что-то надо достать? Ты скажи, я узнаю.
– Нет, мы с Федей... Я думала... На майские, у меня там отгулы... Приехать на несколько дней...
– Это можно, но меня не будет. Уезжаю на неделю.
– Нет тогда, что мы там без тебя делать будем?
Тревожный звонок? Не думаю. Было бы что, так Мельник сообщил бы. Пока получается, что одни догадки у ментов.

* * *

Со всеми этими посторонними занятиями и работой прогулы образуются. Не знаю, как в других институтах, а в меде пропущенные занятия отрабатывают. Один прогул – одна отработка. С лекциями суровее, там надо реферат предоставить лектору, который может и вернуть. А практические занятия проще. На каждой кафедре есть день отработок, сидит дежурный препод, собирается толпа любителей свободного посещения занятий – и в путь.

Я старался с этим делом не затягивать. А то подойдет зачетная неделя, с долгами заветный автограф в зачетке не получить. Так что сегодня вечером – гигиена. У меня там как раз одно практическое занятие осталось. Взял учебник, поехал. Пока буду ждать, изучу тему. Всё равно знания эти никак мне не нужны, так что запомнить надо вот только на сегодня, пока в машину не сяду. К тому же и Давид в те края тоже собирался, тоже где-то отрабатывать.

Поднялся на кафедру, подошел к аудитории, записался в журнал. Уже отходя в сторону, зацепился взглядом за расписание. Ого, дежурный препод – Пилипчук О. Г. Знал бы – не приезжал. Ну ее в болото, склочную бабу. Она хоть и не пишет больше кляуз, а всё равно от такой особы хорошего ждать не стоит.

Пошел, почитал тему. В принципе, ничего сложного, ни тебе формул, ни списка всяких важных постановлений. Вот и Оксана Гавриловна пришла, грассбух притащила, положила перед собой. Зыркнула на притихших студентов, начала вызывать по одному. В принципе, зверств никаких, я бы даже сказал, подход формальный. Задаст пару-тройку вопросов – и отпускает. Так я люблю. Возникла даже мысль предложить соседке подвезти ее домой.

То, что вызывает она не по порядку, я заметил только под конец. Записался я в середине, а вот уже Пилипчук опрашивает предпоследнюю участницу шоу. А студент Панов остается в гордом одиночестве. Что же, посмотрим.

– Давайте, Панов, что там у вас? – бесстрастно спросила она.

Подошел, сел у стола. И тут началось. Вопросы следовали один за другим. С текущей темы она играючи перешла на предыдущие. И ответы требовала развернутые. Наверное, с полчаса гоняла меня. Не могу сказать, что отвечал блестяще, но и не плавал особо.

– Я у вас отработку не принимаю, Панов. Вы показали неудовлетворительные знания, – выдала она вердикт.

– Хорошо, – сказал я, вставая. – Сдам другому преподавателю.

– Не сладите! – радостно воскликнула Пилипчук. – Я запрещу кому бы то ни было принимать у вас. Будете ходить до зачетной недели! А потом... посмотрим. Надежда советской науки, – фыркнула она.

– Нет, не так будет, – спокойно сказал я. – Следующую отработку я буду сдавать письменно. Знаете, как на допросе у следователя? Вы пишете вопрос, я пишу ответ. И приглашу заведующего кафедрой. А еще лучше я завтра с утра пойду к декану. Или сразу к ректору. И сообщу, что вы предвзято ко мне относитесь. А там посмотрим, кому я буду сдавать.

– Хамло! – рявкнула она, поднимаясь. – Быдло! Приехали тут, заправляете всюду! Я на этой кафедре тридцать два года! Я таких выскочек сотни видела! Квартиру он отхватил! Ма-а-асквичом стал! Навоз с ботинок отчисти сначала!

Ой, тетенька, да тут тяжелый случай зависти и обидок! Скажите санитарам, чтобы вас привязали. Надо с этим заканчивать.

– А еще, Оксана Гавриловна, я завтра заодно пойду в прокуратуру и напишу на вас заявление о клевете и ложном доносе. Если вам так скучно, то ходите к следователю, повеселитесь.

Как бы женщину не настигла сосудистая катастрофа. Раскраснелась, сейчас закипит. Но нет, дамочка оказалась крепка.

– Свободны, – Пилипчук что-то записала в журнал, показала мне. Ага, не решилась все-таки идти на обострение. Ну и правильно, целее будет.

* * *

Верный Санчо Панса ждал меня на выходе из аудитории.

– Ну как?

– Всё пучком. Извинялась.

– Пилипчук?

– Шутка юмора. Пойдем, что-нибудь заточим.

По дороге Давид начал рассказывать, как внезапно подсел на музыку «Queen». Каюсь, это я ему подсунул кассету с «News of the World» и «The Game». Теперь он прослушал всё, что только можно было найти, и прямо сейчас пересказывал слухи о вложенном в конверт альбома «Jazz» плакате с кучей голых велосипедисток. Якобы в природе есть счастливики, которые его видели.

– Андрюха, признайся, ходил же в Вене в магазин пластинок? Видел?

– Был такой плакат, втрое сгибается. Но его быстро изъяли. Теперь «Джаз» без иллюстрации к песне про толстозадых девчат.

– Жаль... Но группа крутая! Я на вкладыше к «Live Killers» видел фото солиста, Меркьюри, в крутой кожаной куртке и фуражке. Надо себе такие достать.

– Я бы не стал.

– Думаешь, мне не подойдет? Я и усы такие же отращу, вот увидишь, здорово будет!

– Давид, так на Западе одеваются геи. Ну, заднеприводные.

Давид выпучил глаза. Я вздохнул:

– Гомосексуалисты, понимаешь? Усы, короткая стрижка, кожаные штаны с такой же фуражкой, куртка с молниями. Напялил на себя такое, считай на лбу написал – люблю пацанов.

– Да иди ты! Хочешь сказать, что Фредди...

– Ага. Кстати, статья 121 УК РСФСР «Мужеложство».

– Не, не буду кожу носить! – Давид поежился.

Народу в аптеке вроде и немного, но и в рецептурный отдел, и в готовые формы небольшие, но всё же очереди стояли. Возле нужного нам окошка вела осаду почтенных лет дама. Она держала в руке несколько старых упаковок от таблеток и требовала всё точно такое, только новое. Наверное, что-то из требуемого было с синими буквами, а не черными, потому что неправильные таблетки бабушку категорически не устраивали. За ней со страдающими лицами стояло еще пяток граждан.

Мы постояли пару минут, Похоже, это надолго. Глядя на таких деятелей, в существование энергетических вампиров верить начинаешь сразу и безоговорочно.

Ашхацава, видимо от скуки, начал паясничать, скрючился, пустил слюни, закатил глаза. Прямо больной с ДЦП.

– Андрюса, аскорбинка, – засюсюкал он, ткнув пальцем в стекло. – Купись мне? – и подмигнул. Вот зараза, хоть бы предупредил.

– Если сдача останется, – ответил я засранцу.

– Хоцу, хоцу!

Я показал тайком абхазу кулак.

– Давайте пропустим инвалида!

– Пустите больного...

Очередь проявила сочувствие, бабу с таблетками оттерли, и она что-то ворчала в сторонке.

Изображая смущение, я произнес:

– Аскорбинку... и, – присмотрелся к молодой аппетитной аптекарше, добавил: – Шесть презервативов. По десять копеек.

И тут Давид выдал такое... Хоть стой, хоть падай!

– Сесть раз я не выдержу.

Я резко обернулся. Очередь стояла с отвисшими ртами и круглыми глазами. Даже скандальная баба замолчала. И что отвечать? Вот тут-то советский дзен меня накрыл. Целиком. Я постиг просветление, и вселенная дала мне ответ:

– Хочешь аскорбинку – выдержишь.

В оглушительном молчании я отсчитал деньги, мы забрали презики и витаминку, вышли из аптеки на улицу. И только там уже начали смеяться как сумасшедшие.

Глава 4

Когда обещаешь, то надо помнить. А то потом сюрприз будет.

Никого не трогал, приехал домой. Вышел из машины, запер дверцу. Возле самого подъезда вспомнил, что забыл на заднем сиденье пакет с хлебом, и вернулся назад. Нагнулся, и тут меня по плечу кто-то похлопал. Мысли сразу потекли в плохом направлении. Ограбление? Хотят машину угнать? Барсеточники? Или еще хуже. Менты!

– Ну привет, – сказал смутно знакомый голос. Грабители так не ведут себя. Я вытащил хлеб и разогнулся.

– Привет, – на всякий случай ответил я.

Наверное, удивление еще не полностью исчезло с моего лица, так что ответом был смешок Вити Мельника:

– Я же говорил, не признает.

Ребятам я обрадовался. Пожал руки, похлопал по плечам.

– Давно ждете? – спросил я. – А то на улице хоть и конец апреля, а дубак как в начале марта.

– В подъезде грелись, как бичи, – ответил Дима. – Так что не замерзли.

– Ну пойдемте домой, там потеплее.

Квартира моя ребят впечатлила. Мельник даже присвистнул тихонечко.

– Да уж, приподнялся ты нехило, – сказал он. – Упакован по самое не могу. Как смог? Я же знаю, что поддержки у тебя никакой.

– В лотерею выиграл, – ответил я. – Мойте руки, садитесь жрать, пожалуйста.

Мои гости засмеялись, и какое-то напряжение, которое я чувствовал с момента нашей встречи, исчезло. С одной стороны, я был благодарен им за помощь и обрадовался их приезду, а с другой – в мои планы такой неожиданный визит слегка не вписывался. Впрочем, планы ради друзей можно и подвинуть.

Хорошо хоть сосисок с яйцами в холодильнике хватило на какое-то подобие обеда. Я так этим охламонам и сообщил – предупредили бы о приезде, еды было бы побольше.

– Спать придется на надувных матрасах, извините. Сам на них дрых, пока мебель не привезли. Ну или метнусь по соседям, раскладушек поспрашиваю. Оставайтесь на пару дней, – я убрал посуду в мойку, включил электрочайник. – Завтра у нас с коллегами по «скорой» небольшой прощальный сабантуй в парке, будем шашлык жарить, вино пить... Приглашаю вас с собой.

– Девчонки ожидаются? – оживился Мельник.

– Естественно. Полно незамужних медичек. Можешь даже кастинг устроить.

– Что за кастинг?

– Ставишь девчонок лицом к стене, говоришь им сцепить ладони за затылком и свести локти вместе.

– И?..

Оба парня уставились на меня в обалдении. Не догоняют.

– На той, у которой локти не касаются стены – женишься.

Сначала никто шутки не понял. А потом как поняли! Квартира задрожала от хохота.

– Ну если будет столько четвертых номеров – мы в деле... – Димон отсмеялся, достал из хлебницы кусок белого, посыпал его щедро сахаром. – Глядишь, удастся зацепиться в Нерезиновой.

Мельник заспорил. Дескать, и в Орле хорошо жить – вот тебе Ока, вот тебе вся природа. И климат мягче, да и южные девчата поавантажнее заносчивых москвичек будут. Плюс пыш-

ногрудых среди них тоже полно. Я в этот спор влезать не стал – пошел в прихожую. Там разрывался мой продвинутый телефон. А звонил – Раппопорт.

Опять из телефонной будки, паранойя работает. Предложил ему встретиться на Киевской кольцевой минут через сорок. Там при переходе на радиальную батальон в полном составе потерять можно. Отъедем куда-нибудь, выйдем на поверхность, а там и обсудим все наши дела.

Предупредил гостей, что вернусь, но не скоро. Включил им кассету с «Чужим», это их точно на пару часов из жизни вырубит. Ну и добивка там Бенни Хиллом, так что три часа ребятам будет не до меня. А сам оделся – и к метро.

Я не спешил, времени вагон. Пусть лучше американец меня ждет. Зашел в гастроном, как раз выбросили пельмени, удачно затарился пятью пачками. Парни все равно слопают всё, что на стол ни поставь. Кузьме взял минтая, потом увидел, что нет очереди в молочный отдел – набрал молока, кефира, творога и глазированных сырков. Будет чем позавтракать.

Вышел из гастронома, посмотрел – и вернулся домой. Ну а что, мне пельмени с минтаем за собой таскать? Первое слипнется, второе потечет. А ехать мне – всего минут пятнадцать. Остановку здесь, еще одну – по кольцу. Но предусмотрительный американец уже сидел на ужасно неудобной скамейке, высматривал меня. Дальше прямо как в шпионском кино всё было – и переход на голубую ветку, и прыжок в последнюю секунду в разные вагоны.

Сдается мне, что все эти фокусы для нормальной наружки – что мёртвому припарка. Если бы пасли, то вычислили бы, особенно таких неопытных в слежке людей. Но мы так же раздельно вышли на поверхность на «Филевском парке», прошли по Минской и углубились в аллеи собственно парка. Всё Александру было не так – то слишком видно, то неудобно. В итоге мы дотащились до летнего кинотеатра. Километра полтора, не меньше. И только там расположились на старорежимной зеленой лавочке. Да тут даже алкашей нет! Вот потеплеет, тогда да. А сейчас мы тут одни, никто не помешает.

– Вот ваш экземпляр договора, – я вытащил из дипломата ту же синюю папочку, что давал мне Раппопорт. – Замечаний нет, меня устраивает. Вот описание процесса, – на свет появился простой тетрадный листик.

– Спасибо, господин Панов, – протянул руку американец. – Я был уверен, что наше сотрудничество...

– Куда? – я выдернул бумажку из его цепких пальцев. – Сейчас можете переписать. Или запомнить. Но сам листочек я уничтожу.

Дурь, конечно, у него же моя подпись на договоре есть. Начнут шмонать – найдут. Хотя, скорее всего, он через посольство отправит как-нибудь. Но я ни под каким видом не хотел отдавать ему собственноручно написанный текст. Пусть корячится.

Закончил он быстро, минут за десять, записывал себе в блокнотик сразу на английском. А что там такого выдающегося? Не бином Ньютона. Вот тебе изотоп, вот фермент, а сбоку стоит спектрометр. Как говорил Аркадий Исакович Райкин: «Берите, люди, пользуйтесь!»

А когда он, облегченно выдохнув, начал записную книжечку закрывать, я остановил его.

– Но раз мы вышли на такой уровень взаимоотношений, то вот еще предложение, – и я показал ему корявый рисунок того самого костыля.

Ого, а глазки-то загорелись. Ты азартен, Парамоша... Вот что тебя губит! Небось, в уме уже нолики забегали.

– Пятьдесят тысяч! – прошептал он. – На ваш счет! Сразу!

– Дорогой товарищ, опять вы меня за слабоумного принимаете. Роялти. Семь процентов. Включая передачу прав. Пожизненно, или не менее пятидесяти лет в случае моей смерти. Концепция зафиксирована у нотариуса.

– Я не вправе обсуждать такие вопросы без согласования. Мне... надо связаться... я перезвоню...

– Дерзайте. Не захотите, так я найду кому продать.

Раппопорт как-то нервно кивнул, начал рыться в карманах. Ищет парализатор и уменьшитель, чтобы спрятать меня в чемодан и вывезти за кордон? Я улыбнулся американцу и поднялся.

– Пойду я. Надеюсь, дорогу найдете?

– Послушайте, Андрей! Вы очень много теряете, когда отказываетесь переехать к нам, – завел старую шарманку Александр. – Вот где вы сейчас работаете?

– Сорок пять сантиметров, – ответил я.

– Это организация? Я не знаю такой, – в недоумении уставился на меня Раппопорт.

– Это длина куска туалетной бумаги, которую я отрываю, когда собираюсь вытереть задницу. Звоните своим, согласовывайте. А про меня вам надо знать одно: будете совать нос куда не надо – сотрудничество кончится.

* * *

Кто бывал на одном скоропомощном выезде на природу – тот бывал на всех. Ничего особенного, люди пьют и закусывают. А я хлебал березовый сок вперемешку с яблочным. Ибо за рулем. Мне на машине удобнее: двое друзей, ведро с мясом, шампуры, алкоголь из расчета бутылка на одно лицо и вино в той же дозировке. Плюс соки в трехлитровках. Ну и в довесок Серега Чуб, заполнивший полсалона, – он дорогу показывал.

И второй рейс – за девушками, включая страшную фельдшерицу Галю и докторшу Томилину. И они с сумарями наперевес. Пока привез их, а мои парни уже влились в коллектив. И ведь еще пить не начали! А они уже и дрова топориком рубят, и вместе с Чубом место обустройства. Молодцы!

Я выгрузил еще порцию еды, пусть женщины занимаются. Подошел к шашлычникам, прислушался к разговору Мельника с Чубом.

– Ну пойду я водителем к вам, а жить где? Второй класс у меня открыт, город я выучу быстро, не вопрос, но сам понимаешь, если я рублей двадцать за комнату платить буду, то на фига оно мне надо? – это Витя спрашивает.

– Так в общаге пока, не вопрос, – сказал Чуб. – Сам же говорил, что дома семья в одной комнате ютится, а на работе то же самое предлагают. А здесь покатаешься, так хоть будешь знать за что. Через пять лет прописку постоянную получишь, в очередь на жилье поставят. У нас главный за все подстанции – Каверин. Ваш Панов с ним вась-вась, помог чем-то сильно.

– Ага... ясно теперь, чего он такой упакованный.

– Не, упаковался он еще до Каверина. А потом его сильно выручил, ну и вот за вас словечко, небось, скажет.

Угу. Без меня меня женили. Нет, парням помочь надо. Но просить Каверина? Он мне и так с характеристикой поспособствовал. Что, конечно, несоизмеримо с закрытием уголовки, но все же...

– ...а если подцепите москвичку с квартирой, так считай вообще жизнь удалась, – продолжал заливать Чуб. – И в очереди стоять не надо. Вон сам Панов Томилину обхаживает.

Хотел тут уже вмешаться, но все-таки переборол себя, решил еще послушать.

– ...хотя у нее квартиры-то и нет, с родаками живет.

– А что за Томилиная? – поинтересовался Димон.

– Да врачаха, вон, видишь, с батоном, лицом к нам, рыжая такая. Красивая...

– Ну, раз ее Пан застолбил... – Витя поджег мангал, начал подкладывать щепу. – Баба друга – это святое. А какие еще кандидатки есть?

И тут Чуб, конечно, выдал. Целый список – возраст, образование, женские стати... Прямо Тиндер из будущего. Я даже не подозревал, что фельдшер – такой ходок. Вроде тихоня и ника-

ких историй про него не было слышно. А тут прям – «эта даст после полбутылки красного сладкого», «эта вообще не даст, хоть убейся»...

В этом месте я понял, что пора прекращать спич скоропомощной свахи, подхватил банку, запел:

Я в весеннем лесу пил березовый сок,
С ненаглядной певуньей в стогу ночевал,
Что имел не сберег, что любил – потерял.
Был я смел и удачлив, но счастья не знал...

Девушки у расстеленных клеенок с закусками замахали мне рукой, парни обернулись.
– Панов, давай к нам. Галя бананы достала... – Лена подхватила меня под руку, потащила к компании. Точнее, попыталась.

– Эй, а кто шашлык нанизывать будет? Самое ответственное дело!

* * *

Славно погуляли. Всем весело было, никто не перепился, не подрался. Водку выпили всю, но сколько ни уговаривали меня поехать за добавкой, я не поддался. А пешком идти никто не захотел. Ну, и Гале спасибо: она и за порядком следить успевала, и утихомирила самых рьяных сторонников продолжения банкета.

Под самый конец, когда уже весь Высоцкий был спет, а огромный костер в мангале прогорел, Лена подошла ко мне.

– Ты не передумал? – Томилина поймала меня за сбором мусора, который остался после нашей компашки. – Увольняться?

– Нет.

– Лебензон ко мне подходил. Он тебе готов зарплату поднять.

– Не все определяется деньгами, Кремлевка дает больше возможностей. Я, кстати, собираюсь и тебя туда же вытащить, только пока не получилось. И давай, не филонь, помогай собирать мусор.

Томилина мрачно начала пинать крышку от банки с березовым соком:

– А моим мнением ты поинтересоваться не хочешь?

Я тяжело вздохнул. Как же трудно бывает с женщинами.

– Хорошо, интересуюсь. Лена, ты не желаешь поработать в лучшей «скорой» страны?

Томилина продолжала пинать ни в чем не повинную крышку.

– Я подумаю.

Подумает она!

Да уж, у меня сегодня день без любви. Когда дома гости, то девушку привести, конечно, можно, но мне как-то неудобняк. То ли мне показалось, то ли и в самом деле, но Томилина энтузиазмом не лучилась. Затаила что-то. Устала? Да мало ли причин у дам может быть? Я за ними календарики не веду, мое дело – про контрацепцию не забывать.

Осталось всего два дежурства на седьмой подстанции – и прощайте, друзья, ведь завтра в поход. Буду ли скучать по этой работе? Это как у алкаша спросить, жалеет ли он о выпитом. Может, и ненавидит, но жить без этого не может.

* * *

Ни разу в этот частный сектор не ездили, а тут зачастили. Вторые сутки подряд сюда катаемся. И ведь многие дома заброшены, видать, выселяют отсюда народ, сносить будут. Ну,

памятников архитектуры здесь нет, жалеть не о чем. Хотя жители, конечно, не только приобретают, но и теряют. Многие ведь жили с огородиков, скотинкой всякой. Кто коровку держал, кто курочек. А ведь буренку на балкон не забереешь. Либо продавать, либо на говядину.

Я почему про животину вспомнил? Так у нас вызов оказался в какой-то натуральный хлев. Дом, к которому мы подъехали, заколоченный стоит, а потащили нас в сарайчик во дворе. С виду – настоящие бомжи. Вернее, бичи. Так их сейчас называют, а аббревиатура времен ранней постперестройки для лиц без определённого места жительства еще не в ходу.

Но лучше пахнуть они от этого не стали. Амбре от них исходит... Ну, кто хоть раз нюхал, тот помнит. Странные люди, конечно. Психически нормальных среди них мало. Помню одного, к которому вызвали сердобольные прохожие. Он сидел на асфальте, окунув босую ногу в замерзающую лужу. Пятка уже точно вмерзла. Нога – на ампутацию. А он поправил подложенную под седалище картоночку и говорит: «Ты, доктор, не понимаешь. Ногу отрежут, а ведь я после этого сколько лежать буду в тепле и уюте. А потом в интернат определят, если повезет. А нет, так сдохну, не страшно».

Бичи суетились, один, поменьше росточком, в засаленном ватнике и облезшей шапке из пегого кролика, постоянно забегал вперед, дорогу показывал. Хотя что тут демонстрировать? Идти метров сорок, не больше. Небось, самовольно в сарайчик вселились при молчаливом попустительстве властей. Не может такого быть, чтобы как минимум три человека появились на участке, и никто не заметил. Наверное, подрядились кому из начальства оказывать помощь за разрешение занять помещение.

– Так где обожженная? Что случилось хоть? – спросила Томилина.

– Да тут, доктор, всё тут, сейчас сами увидите... – Бич распахнул дверцу хлева перед нами и срулил куда-то в сторону.

Дама неопределенного возраста и редкой для бичей повышенной упитанности лежала и хрипела на каких-то досках, заменявших обитателям кровати. Рядом какое-то подобие буржуйки. Освещение естественное, через небольшое окошко, да вот теперь через дверь. Да-а-а, это хорошо, что на шашлыки мы уже ездили. После такого... долго еще не захочется. Сразу вспомнился тот интеллигентный книголюб, что на даче водкой лечился. Только тут наоборот было. Скорее всего, клиентка сначала нажралась до посинения, а потом обгорела. А сверху, наверное, для придания блюду приятного вида, была покрыта слоем завонявшего смальца. Вон, банка с остатками рядом лежит.

– Что ж вы, твари, наделали? – презрев этику с деонтологией, спросил я. – Зачем обмазали?

– Так положено же, чтобы заживало, – подсказал второй бич, до сих пор молчавший. Видать, у него дефицит зубов, все «Ж» в его реплике он практически просвистел в дырку между зубами.

– Чему тут заживать?!

Правое предплечье – однозначно четвертая степень, вон, до кости прогорело. Плечо, грудь – наверное, третья. Запеклось до румяной корки. Я срезал остатки одежды, посмотрел на живот. Ну тут большей частью вторая. Один хрен, шок, наркотики колоть, венозный доступ искать, пока реаниматологи приедут за ней.

Блин, ну и вонища! Горелое мясо, грязь, перегар, смалец этот... Кто там сзади не выдержал? Ага, Томилина. Намочил ватку нашатырем, дал ей. Уж лучше это.

– Крикни там Мише, пусть реаниматологов... – я не успел договорить, потому что необходимость в реанимации отпала, а появилась нужда в тех, кто после них. Дама икнула, шумно испустила газы и перестала дышать. Попытаться оживить в таких случаях не рекомендуется. Блин, да тут бы смерть до прибытия оформить – меньше возни.

– Милицию? – спросила Лена, держащая спасительную ватку с нашатырем недалеко от носа.

– Её, родимую, – кивнул я, максимально быстро закрывая чемодан и собираясь пройти к выходу.

Вы видели фильмы про ниндзя? Ну где невидимые убийцы, передвигаясь с невероятной скоростью, ускользают от любых угроз? Всё это мелочи по сравнению с действиями бичей при слове «милиция». Десяти секунд не прошло, как оба представителя племени советских бродяг исчезли, прихватив с собой немудреные пожитки.

– Ну что, оформляем смерть до прибытия? – спросил я. – Лекарств никаких использовать не успели, а свидетелей нет.

– Как? – возмутилась Лена. – Она же жива была!

– А сейчас – уже нет. Ну напишешь ты, что похоронила ее, так кому бумаги оформлять? Я в этом участия не принимаю. А ей, – я кивнул на тело, – легче точно не станет.

Надула губы командирша нашего экипажа, как бы кровь не закапала на белый халат. Ничего, подумает, поймет, что я ее только что спас от совершенно бесполезной работы по оформлению трупа в судебуку. Спасибо еще говорить будет.

* * *

А гости мои развернули нешуточную активность. Приехали с вызова – а на подстанции Витя Мельник. Поддался на агитацию, значит. Подошел, спрашиваю, что да как. Оказывается, он уже всё узнал, у всех спросил. Вот съездит домой за документами и после майских вернется оформляться.

– Смотри, как бы жалеть не пришлось, – начал я контрагитацию. – Сказали тебе, сколько за смену водила линейной бригады наматывает?

– А сколько?

– Сотни три кэмэ, а то и побольше. Заметь, это не по прямой от Москвы до Орла, а по улицам и дворам. Да и других удовольствий хватает. Вон, спроси у нашего водителя, он расскажет, где был последние четыре с лишним месяца. Миша! – позвал я Харченко, проходящего мимо нас. – Вот, земляк мой водителем хочет устроиться. Расскажешь правду без прикрас?

– Это запросто, – оживился наш шофер. – Считай, парень, что повезло тебе. Зовут как? Витя? Работа – не бей лежачего! Привез врачей на вызов – и загорай. Хочешь – спишь или книжку читаешь. Бабки-то идут. Балдёж, одно слово! А девки тут... Не женат еще? О, сейчас анекдот расскажу...

Нет, непобедимы эти люди, готовые на пять лет записаться в рабство ради прописки в Москве! И считающие работу водителя «скорой» отдыхом.

Я сходил наверх, пополнил наш чемодан лекарствами. Вышел на улицу как раз к тому моменту, когда Харченко закончил очередной анекдот.

– Ну что, не передумал? – спросил я у Мельника.

– Нет. Как и говорил, после майских приеду. Работа как работа. И график удобный. У тебя перекантоваться можно будет? Не стесню?

– Можно. А Дима где?

– Сказал, что в ментовку пойдет. К нам на вокзале подходил один, зазывал.

Охреть, приехали ребята в гости, сходили на шашлыки. Не успел оглянуться, а они уже сюда переезжают. А с другой стороны – что им терять? Семьи нет, ничего не мешает поехать куда желаешь. Наверное, я даже рад такому их решению. Случись чего, будет к кому обратиться.

Из раздумий меня вырвала Томилина:

– Андрей, поехали, вызов у нас!

* * *

Не люблю я вот эти квартиры с километрами книжных полок и прочими интеллигентскими штучками. Так и ждешь от них какой-нибудь пакости. То ли дело рабочие общаги, пивные и привокзальные площади – там народ простой, и диагнозы у них такие же – проникающее ножевое живота, закрытый перелом костей носа и острая алкогольная интоксикация. А тут приедешь – и даже не знаешь, что и подозревать. Спросишь, что болит, а тебе в ответ целый рассказ слов на двести из Джерома Ка Джерома – «только родильной горячки не нашел». И пока до конца дослушаешь, уже и начало позабыл.

Бывают, конечно, исключения. Вот как сейчас – носовое кровотечение. Хороший вызов, пациент уже меняет рубашку и ворчит на жену, незлобиво так, что та понапрасну побеспокоила людей только из-за того, что у него до этого никогда не шла кровь носом. В жизни, мол, многое происходит впервые. Хороший мужик, мне такие нравятся. Он тихо что-то сказал жене, и та метнулась на кухню, затарахтела спичками в коробке, долила какую-то посуду водой из-под крана, грохнув ею потом по конфорке, и хлопнула дверцей холодильника. Рупь за сто – нас будут чаем поить. Или кофе. И не напитком «Курземе», приготовленным из экологически чистых желудей пополам с ячменем, а благородным растворимым. Индийским, к примеру, из темно-коричневой жестянки с красивой, но абсолютно нечитабельной надписью. Или бразильским, из стекла. «Касик» с суровым профилем индейца, или «Пеле» с забыл уже какой картинкой.

– Давайте давление проверим, – предложила Томилина. Тоже правильно интерпретировала звуки и понимает, что надо проводить то, что обзывается секретной аббревиатурой ИБД. Имитация бурной деятельности. Хорошо действует в присутствии начальства и родственников пациентов. Да, все эти глубокомысленные переключивания бумаги из правой стопки в левую, протирание и без того чистой аппаратуры и внезапная сортировка ампул в чемодане – это она.

Вот мы и измерим артериальное давление. Надо будет – и за кардиографом метнусь. Потому что с кухни доносится сладостный нюху каждого скоропомощника запах копченой колбаски. Это вам не скрученная в поросячий хер сосиска, а полезная для организма медицинского работника пища. За такое пациента положено обследовать с ног до головы.

– Сто восемьдесят на девяносто, – сообщил я через минуту.

– Многовато, Афанасий Венедиктович, – сказала Томилина, листая амбулаторную карту мужика. – Раньше у вас повышенного давления не наблюдалось. Давайте кардиограмму снимем для полного спокойствия. Румянец у вас какой-то... неправильный.

Ага, это мне мозги запах колбасы отключил. Потому что цианоз у этого Афанасия имеется. Так что кардиограф – вовсе не часть ИБД получается. Метнулся я за заветным ящичком мухой – лифт не только работает, но и не занят оказался.

Что кофе отменяется, понятно стало с первого отведения. Инфаркт. Трансмуральный. И, блин, желудочковые экстрасистолы, по две и даже по три подряд проскакивают. Хреново дело. Чуть не пропустили. Так ведь не болит же ничего! Вот сейчас еще раз спросил, специально – нигде. Так что если бы не слабый сосудик в носу, лопнувший от избытка давления – так до самой смерти и не заметили.

Где там моя заветная коробочка с наркотиками? А лидокаин есть у нас? А вы, Елена Александровна, так и будете смотреть на кардиограмму глазами изумленной первоклассницы, которая только что узнала, что эта байда – на целых десять лет? Давайте уже поработаем, что ли, раз мы сюда приехали.

Глава 5

– Первый раз в поле нашего внимания вы попали в мае прошлого года, – Суслов перевернул листик в открытой перед ним папке, что-то подчеркнул в нем карандашом. – Все награждения Гришина проверяются в ЦК, там обратили внимание.

Это он про автобус? Я посмотрел на главного идеолога Союза. Выглядел он сильно лучше Брежнева. Меньше морщин, живой взгляд из-под очков. Тонкие нервические губы слегка посинели, но мы же в ЦКБ, поди, он сюда не за аскорбинками приехал.

Я уже собирал вещи в пансионат в Сочи, когда в девятом часу вечера мне позвонил Антон Герасимович Викулов. Тот самый «бурильщик» из первого отдела ЦКБ, что брал с меня подписки и анализы на верность Коммунистической партии. Попросил срочно приехать, кое-что уточнить. Я, разумеется, на ночь глядя помчался в Кунцево. А там вместо уточнений меня досмотрели два коротко стриженных бугая в одинаковых костюмах, после чего провели в правительственный корпус на третий этаж. В палату Суслова.

– Затем вас проверяли в связи с открытием новой бактерии и планируемым выездом в капиталистическую страну на конференцию.

– Она не новая, – негромко произнес я.

– Не важно, – отмахнулся Михаил Андреевич. – Это все мелкие детали, частности. Я тут вижу интересную картину, целую мозаику. Что у нас дальше? Труп майора госбезопасности в Пехорке. Вы не побоялись отказать людям Щелокова поменять показания. Да, да, я внимательно слежу за этим делом. Оно очень показательно.

– Чем же?

Суслов снял очки, протер их бархоткой.

– Врачи дают Леониду Ильичу не более года. Основные игроки начали свой забег к вершине советского Олимпа. Это, конечно, не стометровка, но и в марафон превратиться тоже не успеет. Думаю, следующей зимой все решится.

Я обалдело уставился на Суслова. Он точно со мной говорит? Даже оглянулся. Нет, в палате мы были одни.

– Вас удивляет моя откровенность, Панов?

Меня удивляло всё. Во-первых, то, что публичный образ начетчика и сухаря-идеолога вообще не бился с тем, что я видел. Очень умный, живой человек. Не сказать, чтобы сильно больной. Во-вторых, да, такие откровения с малознакомым собеседником... Это даже не удивляло – пугало.

– Наконец, ваши... хм... медицинские шашни с Галей Брежневой и ее любовником, – Суслов вернулся к моему тощему досью.

Я задумался. Все это напоминало разговор Мориарти с Шерлоком Холмсом. «Вы встали на моем пути четвертого января. Двадцать третьего вы снова причинили мне беспокойство. В середине февраля вы уже серьезно потревожили меня...» Кстати, Суслов даже внешне походил на Мориарти. Такой же худощавый, с аскетичным лицом. Интересно, Михаил Андреевич читал Конан Дойля? Конечно, да, только вряд ли ассоциировал себя с умным, но излишне эмоциональным главой преступного мира.

– Тут вы уже серьезно залезли на поляну Комитета, – продолжал тем временем Суслов. – Вас изучили, признали скорее полезным, чем вредным. В результате состоялся ваш разговор с Чазовым и приглашение на работу в ЦКБ.

Интересно, а в КГБ узнали про мои орловские приключения? Или нет? Скорее всего нет, иначе я бы сейчас сидел перед Циневым, а не перед Сусловым.

– Я и вправду не понимаю причин такого откровенного разговора.

– Хорошо, я объясню, – «серый кардинал» партии сложил руки в замок, пощелкал суставами. – Любой человек во власти силен настолько, насколько сильна его личная агентурная сеть. Сейчас наступает переломный момент. Победитель – получает всё. Проигравшие... Их участь незавидна. Я один из тех, кто участвует в начавшемся забеге. И хочу дойти до финишной ленточки. Первым. Так понятно?

– Что же вам может помешать?

– О, многое. Интриги врагов, уголовные дела, но главный удар будет наноситься здесь, – Суслов похлопал рукой по больничной кровати. – Проще всего меня убить, отравив или залечив.

– В ЦКБ?!

– Кремлевка – это вотчина Комитета государственной безопасности и Андропова. Тут все главные врачи имеют комитетские звания, Чазов через день бывает у Юрия Владимировича с отчетом...

Суслов задумался. Я тоже не торопился прерывать это тягостное молчание.

– Вы, Панов, мне подходите, – «серый кардинал» наконец отмер. – За вами никто не стоит, вы не успели обзавестись серьезными обязательствами перед основными игроками. При этом история с автобусом доказывает, что вы смелый, а выход на Галину – расчетливый и амбициозный. Другой бы испугался выводить Брежневу из запоя, но не вы. И я могу вам многое дать. Предлагаю вступить в мою команду.

– Но я не понимаю, чем могу быть вам интересен, – я замешкался. – Моя полезность околонулевая.

– И это тоже говорит в вашу пользу, Панов. Вы знаете свое место.

Суслов отложил папку, в которую я бы очень хотел заглянуть хоть одним глазком, встал, прошел к окну. Задернул шторы.

– Мне в ЦКБ, а точнее, в бригаде реаниматологов, нужен свой агент, который будет докладывать о всех странностях, передавать даже самые фантастические слухи.

– Вы хотите сделать из меня стукача?

– Вообще информатором вы уже стали, подписав документы в первом отделе полмесяца назад, – Суслов иронично на меня посмотрел. – Или вы не читаете то, что подписываете?..

Я почувствовал, как краснею. Коготок увяз – птичке конец. А я выдержу шесть раз? Уже начали иметь по полной.

– Это был кнут. А где же пряник?

– Во-первых, от вас окончательно отстанут сотрудники Щелокова. Цинев же вас прикрыть так и не смог?

– Вы и об этом знаете... Ну ладно, а во-вторых?..

– Быстрое получение научных званий, станете за свою бактерию самым молодым в Союзе кандидатом медицинских наук. Потом и доктором. Заграничные командировки, публикации. Все это без балласта в виде именитых профессоров.

Свободный выезд из Союза – это было сильное предложение.

– Я читал отзывы о вас. Вы отличный диагност, начальник московской «скорой» вас очень хвалит. Мне бы не помешал взгляд со стороны на мои собственные заболевания и назначения, которые делает лечащий врач. Я легко могу представить ситуацию, когда мне дают даже не яд, а просто не то лекарство. Например, что-то усиливающее кровообращение при высоком давлении. И внезапно у прикрепленного реанимобиля пересменка, никто не поможет. Если вы будете рядом, я всегда смогу получить независимую консультацию, в экстренной ситуации и реанимацию.

Я все больше удивлялся Суслову. Очень профессионально рассуждает. А ведь ему осталось чуть больше чем полгода. Когда он умер? Зимой вроде. Но точно до Ильича. Не очень он и похож на умирающего. Крепкий дядька. Сколько ему? Сильно за семьдесят, это точно.

– Доверие большое, Михаил Андреевич. Хотя, конечно, кто подумает, что студент-недоучка консультирует вас по медицинским вопросам? Естественно, я готов оказать любую помощь, которая от меня потребуется.

– Вас проводят, – вместо «до свидания» сообщил мне хозяин палаты.

Впрочем, на «здравствуйте» он тоже поскупился. На мой «добрый вечер» даже кивок не обозначил.

* * *

Гости мои никаких хлопот не доставили. То есть вообще. Посуду за собой мыли, воду в унитазе спускали, ночную тишину не нарушали. Жрали только как не в себя, но я на кормежке не сильно обеднел – пишу ребята предпочитали простую и трюфель с мраморной говядиной не просили. Да что там, они даже мусор за собой выносили!

Да и я: то на работе, то в институте, в основном только ночевать домой приходил. Таких гостей я люблю.

Они уже собрались уезжать, и Дима пошел в магазин – не то за хлебом, не то за чем-то еще, нужным в дорогу. Мельник, уложив какую-то вещь в сумку, долго смотрел, как я что-то писал. Наверное, проклятушую политэкономия. Может, хоть научный коммунизм на шестом курсе будет не таким придурочным предметом?

– Что хотел, Вить? – спросил я. – Ты говори, а то я чувствую себя как в зоопарке, честное слово.

– Федор Андреевич, наверное, знает... ну, про ментов.

Этой темы мы не касались. Вообще разговоров не было, даже намеков. Мы специально не договаривались, как-то само собой решилось.

– С чего ты взял?

– Да я, наверное, виноват. Ты же знаешь, они в Семашко, в травме тоже лежали? Потом их увезли, но недельку побыли. Вот я пришел Федора Андреевича проведать, сижу, разговариваем, а дверь в палату открыта, больница же. И тут вижу – хромает по коридору один из троих. В сортир, наверное. Может, я на него посмотрел как-то, не знаю. Только Фёдор это заметил. Не сказал ничего, только потом уже заметил, что тут лежат люди разные, в том числе и милиция, так что надо осторожнее быть на всякий случай.

– Странно. Мы с ним разговаривали потом, он ничего не говорил.

– И не скажет. Он по телефону вообще старается не общаться.

Поговорили, и всё. Никаких клятв на крови чёрного кота, пролитой на перекрёстке пяти дорог в третий день новой луны, когда будет дуть северо-восточный ветер. Чем больше люди заверяют друг друга, что никто ничего и никому – тем быстрее это и приключается.

* * *

Мой энтузиазм по поводу поездки на юг в собственном автомобиле быстро угас, как только я попытался включить голову. Ехать больше тысячи километров. Делать это в одно лицо – удовольствие ниже среднего. А доверять машину попутчице – я не до такой степени ненавижу человечество. Та же песня, что сидеть за рулем одному, только еще и следи за тем, чтобы Томила не врезалась в витрину магазина и не задавила пионерский отряд имени писателя Шолохова. Где пионеры возьмутся в степи? Не переживайте, это самая малая из проблем.

Кроме того, придется везти с собой почти половину мотора в виде запчастей. Потому что никто не знает, что может внезапно сломаться даже в газовском движке. Да что угодно, в том числе и то, чего там никогда не было. Машина-то не серийная, от «самодельки». И на хрена

я буду мучиться? Лучше я сяду в вагон поезда, который и доставит мой организм на место. И пионеры останутся живы, и соберут металлолом на зависть крокодилу Гене.

Увы, но купейных билетов не было. Придется ехать в плацкарте. Какой советский человек не любит это волшебное ощущение чьих-то носков, глядящих в лицо, когда ты идешь по вагону? Вот и я не люблю. Но придется. Зато обратно, в качестве компенсации – СВ. В самый раз, отдохнуть от отдыха.

В дорогу я взял почитать интересную книгу. Ее мне подарила Шевченко, случайно встреченная на выходе из Института питания. К сожалению, ее карьера после памятной поездки пошла вниз. Так что наше мимолетное свидание явно было последним. Уволили ее, короче. А вот не пили сук, на котором сидишь. Это я про Шатерникова.

Помог ей дотащить барахло до машины. Она поблагодарила и неожиданно спросила:

– Вы же читаете на английском? Вот, возьмите на память, – она достала из сумки книгу и протянула мне.

И что вдруг такая вежливая? Я поблагодарил и пошел. Уже на лестнице посмотрел, что мне досталось. Крайтон, «Большое ограбление поезда». Обычный покетбук, на обложке впереди смешной синий паровозик, сзади улыбающийся во все сорок восемь зубов Майкл, еще не овеянный славой динозавров, и стандартная замануха в виде цитат из обзоров. Все эти «марвелоз фан» и «бэст триллер ту дэйт». Книгу я не читал, ни на русском, ни в оригинале. Смутно помню фильм с Шоном Коннери. Пролистал. Это точно художественное произведение? Тут список использованной литературы на три страницы!

Двадцать восьмого апреля, в девятнадцать часов и пятнадцать минут поезд «Москва – Адлер» умчал наши организмы на юг. Тридцатого утром приедем. Всё получилось просто прекрасно. Вообще нигде ни запинки. Никто не задержался, не застрял в лифте, не вспомнил за пять минут до отправления, что забыл дома паспорт. Так не бывает, мне кажется. Наверняка судьба еще оплатит нам. К примеру, проблемами в институте. Вроде я везде договорился, в том числе и в деканате, но где гарантия, что на горизонте не появится очередная Пилипчук?

На вокзал нас отвез отец Лены. Молчал большей частью. И вовсе не потому, что сосредоточенно смотрел на дорогу. Какому отцу понравится, что его дочь отправляется на юга с парнем, который даже не муж? Мне бы тоже было не очень комфортно. Но с учетом того, что дочь всё же не моя, то я быстро на его счет успокоился.

А вот с Леной... Какая-то она замкнутая стала. Напрашивалась классическая семейная ссора. Выяснили отношения и забыли. Но мы-то не семья! Совместный быт не ведем, организмами пересекаемся регулярно, но я подспудно чувствовал, что Томилина хочет большего. Но сама давать не готова. Вот изъяви ты желание переехать ко мне от родителей... Сразу новый этап в отношениях. Пусть не простой, но этап. А Лена... Она ведомая. Вроде и пуд соли уже вместе съели, а настоящая близость все никак не складывается и не складывается. Вот жопой чувствую – этот волдырь рано или поздно лопнет. И возможно, прямо в Сочах.

* * *

Места наши были – верхнее и нижнее. Я занял верхнее, с целью мстить всем, кто выставляет в проход ноги в грязных носках. И помешать мне в этом никто не мог – Томилина обнималась с отцом и получала последние наставления. Ага, а вот и соседи появились, двое ребят, примерно наши ровесники. Веселые парни, с небольшим выхлопом. Так кто же едет в дорогу, не приняв соточку для легкости хода поезда?

Пока расставляли сумки и решали, что спрятать, а что оставить на поверхности, и поезд тронулся. Прибежала Лена, оторванная от родительских наставлений проводницей. Глазки заплаканные – видать, папаша ей по мозгу еще разок проехался.

Потом пошли обычные вагонные заботы в виде переодевания, застилания постели и вечернего чая. И только после этого мы познакомились с нашими попутчиками. Ого, даже коллегами оказались. Шестой курс стоматологического. Один будущий патанатом, второй – судебный медик. Это кафедры побеспокоились о дефицитных специалистах. Матвей и Борис соответственно.

Видать, парни решили испытать профессиональные вредности всех трупорезов смолоду, потому что бухали они как не в себя. Бутылка водки в сопровождении четырех пивных подруг быстро опустела. Мы попутчикам почти моментально стали неинтересны, потому что крепче чая пить не стали. Ничего хорошего от пьянки в дороге не бывает. То потеряешь что-то, то в карты сядешь играть непонятно с кем, а бывает, и по голове настучат неизвестно за что. Да и Лена бдит – хотел бы выпить, начала бы потом мозг выносить.

Уже мы и улеглись, я и книжку успел почитать немного, а ребята не успокаивались. Начали вторую поллитровку и принялись громко обсуждать особенности своей работы. Блин, ну детский сад натуральный. Мы с Томилиной тоже можем про мясо, кости и дерьмо много чего рассказать, но на кой ляд портить настроение попутчикам? Не всем нравятся веселые истории об упавшем на пол трупе и особенностях отпиливания крышки черепа. Пришлось даже шикнуть на них, что, впрочем, особого эффекта не оказало. Придурки, честное слово.

Проснулся я от громкого женского вопля, быстро сменившегося глухим стуком. Недалеко от меня мужской голос, неимоверно фальшивая, пропел: «И над столами в морге свет включили».

Вот до чего же просыпаться не хочется! Ужас просто! Но я продрал глаза. Черт, да что ж так больно о третью полку я стукнулся. Снизу появилась голова Томилиной.

– Что случилось? Ты знаешь?

– Откуда? Сам только что проснулся. Сейчас гляну.

Я сел на полке и высунул голову в проход. Нет, точно дебилы. Один из наших соседей, Борис, закутанный в простыню, сидел на заднице в проходе, возле него лежала, закатив глаза, маленькая проводница.

Реконструкция событий заняла немного времени. Два брата-акробата, нажравшись, решили повеселиться в лучших общажных традициях. Борис пошел изображать привидение, а Матвей развесил на торчащие в проходе ноги бирки, с помощью которых все должны были принять участие в перформансе «Морг на колесах». После чего они слегка испугали вышедшую узнать, в чем дело, проводницу. Забавы первокурсников, причем низшего пошиба. Входит в первую тройку по дури вместе с заклеиванием соседских дверей эпоксидкой и сбрасыванием из окна презервативов, наполненных водой. Так испугали, что бедная женщина упала в обморок. И мне пришлось ее откачивать похлопыванием по щекам и прочими реанимационными процедурами. И все это под мат пассажиров, что сдирали с себя бирки. Молодая, не привыкла еще. Была бы поопытнее, сама бы уложила шутника.

Проводница очнулась, вызвала начальника поезда и милицию. Не оценила шутку, короче.

– Слушай, их же сейчас высадят, оформят протокол за хулиганство и выгонят из института, – сказала мне на ухо Лена. – Жалко дураков...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.